

МИНСЕЛЬХОЗ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
“БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ”

ФГБОУ ВО «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ» —
БРЯНСКИЙ ФИЛИАЛ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Брянск
2020

УДК 159.9 (035.3)
ББК 88
М 43

Межкультурная коммуникация: человек и социум: коллектив. монография / Д. С. Батарчук, А. Ф. Белозор, Л. Н. Голуб и др.; под общ. ред. М. В. Резуновой, О. А. Овчинниковой. — Брянск: Изд-во Брянский ГАУ, 2020. — 124 с.

ISBN 978-5-88517-344-5

Авторский коллектив:

Батарчук Д.С., Белозор А.Ф., Голуб Л.Н., Дюпон Е., Зимонина О.В., Курачев Д.Г., Курачева Л.Г., Медведева С.А., Овчинникова О.А., Резунова М.В., Семьшев М.В., Семьева В.М., Ториков В.Е.

Настоящая монография посвящена проблеме межкультурной коммуникации с точки зрения социума и современной поликультурной личности, ее готовности к диалогу культур, авторами рассмотрены компетентностная модель поликультурной языковой личности, особенности цифровой культуры личности в современном информационном обществе, ценностный аспект межкультурной коммуникации и др.

Рецензенты:

Шустов А.Ф., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и педагогики ФГБОУ ВО «Брянский государственный аграрный университет», Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Кучинская Е.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков ФГКВУ ВО «Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского».

*Материалы печатаются
в авторской редакции.*

ISBN 978-5-88517-344-5

© Брянский государственный аграрный университет, 2020

© Брянский филиал РАНХиГС, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шачнев Сергей Александрович 4

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ториков Владимир Ефимович, Семышев Михаил Васильевич, Семышева Валентина Михайловна..... 7

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И СОЦИУМ

Дюпон Евгения, Овчинникова Ольга Алексеевна..... 18

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Резунова Мария Владимировна 29

ГОТОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Батарчук Дмитрий Сергеевич..... 41

СПЕЦИФИКА МЕЖГРУППОВЫХ ПРОЦЕССОВ КАК АСПЕКТ АНАЛИЗА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Курачев Дмитрий Геннадьевич, Курачева Лариса Геннадьевна 57

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕМЬЕ

Зимонина Ольга Владимировна 73

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Медведева Светлана Александровна, Голуб Лариса Николаевна 90

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО ТУРИЗМА

Белозор Алина Федоровна, Овчинникова Ольга Алексеевна 107

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Верхутина Марина Вячеславовна 121

ПРЕДИСЛОВИЕ

Расширение и углубление контактов в различных сферах общественно-политической, экономической, социальной и культурной жизни на международном, межличностном и индивидуально-групповом уровнях, осознание принадлежности к глобальному пространству и стремление найти выход в многоязычный мир со специфическими культурными особенностями населяющих ее народов свидетельствуют о культурной интеграции и развитии межкультурного общения.

Возникающие культурные контакты и взаимодействие в силу этноцентризма могут оказывать и отрицательное действие, когда явления чужой культуры рассматриваются и оцениваются исключительно сквозь призму культурных ценностей одной этнической группы. Это может привести к абсолютизации культурной самобытности одних этносов и недооценке других народов. В этом случае необходимо взаимное ознакомление и обмен культурными ценностями путем диалога культур.

Культура предстает как смысловой мир, который вдохновляет людей, сплачивает их в сообщество и передается из поколения в поколение, транслируя опыт, знание, опредмеченные результаты человеческой деятельности. Тем самым, культура есть суть производства самого человека во всем богатстве и многообразии его общественных связей и отношений. Человек, который интериоризировал общественные ценности, осознал их как личные и руководствуется ими в своей жизнедеятельности, и есть человек культурный.

Культурный уровень человека характеризуется целой совокупностью показателей, среди которых, в частности, уровень образованности, наличие потребности приобщения к миру культуры через коммуникацию, участие в создании и распространении культурных ценностей, наличие установки на расширение культурного кругозора, наличие способности оценивать те или иные артефакты, денежные затраты на приобщение к миру культуры и др.

В нынешний век глобализации и интернационализации стираются географические государственные границы; создаётся единое мировое экономическое, экологическое и информационное пространство; расширяется культурный обмен. Коммуникация между культурами становится открытой и доступной.

Успешная межкультурная коммуникация предполагает соблюдение принципов международного культурного сотрудничества. Наличие этих принципов свидетельствует о стремлении мирового сообщества к сознательному регулированию культурного взаимодействия. Эти принципы предполагают одновременное развитие всех отраслей культуры; уважение самобытности; взаимную выгоду всех участвующих в культурном сотрудничестве народов; равноправие, уважение каждой культуры, развитие каждым народом собственных материальных и духовных ценностей, признание многообразия культур достоянием всего человечества. Огромную роль в культурной глобализации играет уровень развития поликультурной личности. Ведущим признаком такой личности является ее направленность на готовность и способность жить и активно взаимодействовать с представителями различных национальностей. Поликультурная направленность личности проявляется в потребностях, интересах, доминирующих мотивах, убеждениях, лежит в основе приобретения этнокультурных знаний, навыков и умений.

Важную роль в межкультурном коммуникативном взаимодействии играет поликультурная языковая личность. Ведущим признаком такой личности является ее направленность на готовность и способность жить и активно взаимодействовать с представителями различных национальностей. Поликультурная направленность личности проявляется в потребностях, интересах, доминирующих мотивах, убеждениях, лежит в основе приобретения этнокультурных знаний, навыков и умений.

Однако необходимо учитывать феномен религиозности как одно из массовых и стойких социокультурных явлений. Даже в условиях глобализации отчётливо прослеживаются границы между католической и православной Евро-

пой, между христианским, исламским и буддистским культурными мирами. Диалог культур в значительной мере является диалогом конфессий, хотя и не всегда выражается в открытой очевидности. От того, каким образом будут складываться взаимоотношения между конфессиями, в каком ракурсе (позитивном или негативном) верующие различных конфессий будут воспринимать друг друга, во многом зависит стабильное общественное развитие.

В настоящей монографии ученые Университета Бордо (Университетский научный департамент Ажена), Брянского филиала РАНХиГС, Брянского государственного аграрного университета и Брянского государственного университета рассматривают проблему межкультурной коммуникации с точки зрения социума и современной поликультурной личности, ее готовности к диалогу культур, а также цифровую культуру личности, ценностный аспект межкультурной коммуникации и др.

Шачнев Сергей Александрович
кандидат культурологии, доцент,
Брянский филиал РАНХиГС

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ториков Владимир Ефимович

доктор сельскохозяйственных наук, профессор
ФГБОУ ВО «Брянский государственный аграрный университет»

Torikov V.E.

Bryansk State Agrarian University

Семьшев Михаил Васильевич

кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Брянский государственный аграрный университет»

Semyshev M.V.

Bryansk State Agrarian University

Семьшева Валентина Михайловна

кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Брянский государственный аграрный университет»

Semysheva V.M.

Bryansk State Agrarian University

Сегодня основной задачей системы высшего образования является подготовка специалиста, обладающего целым рядом компетенций, которые позволяют ему вести самостоятельную профессиональную деятельность. Для реализации этой задачи необходимо «обеспечить формирование и развитие его личностно-ориентированного, общекультурного и познавательного потенциала, развить творческую познавательную активность, спровоцировать желание учиться и познавать новое» [4, с. 219].

Время не стоит на месте, появляются новые информационно-коммуникационные технологии в различных сферах жизни общества. Это требует от преподавателей вуза постоянного пересмотра содержания теоретических и практических курсов, а также модифицировать методические приемы. В современной высшей школе должны быть сформированы не только профессио-

нально значимые качества, но и должна осуществляться подготовка к самостоятельной работе. Как отмечает Т.П. Фролова, нужно «развить у студентов способности самостоятельно расширять свои знания, используя наиболее эффективные способы получения информации для решения тех или иных профессиональных задач» [12, с. 289]. Всё это требует формирования у студентов достаточного уровня цифровой культуры.

Специфика современного цифрового пространства заключается в том, что сегодня студентам доступно большое количество различного рода информации, которую можно получить практически из любого уголка земного шара. Однако быстрые темпы информатизации привели к тому, что люди сталкиваются с проблемой переизбытка данных, а также возникают проблемы с её обработкой и верификацией [11]. Следовательно, перед современными преподавателями стоит задача формирования недостающих умений и навыков и обучение культуре работы с цифровой информацией.

Формирование информационно-цифровой культуры в первую очередь предполагает адекватное выражение потребностей в конкретных данных и правильном формулировании индивидуальных запросов, умение обрабатывать и оценивать полученную информацию. При большом объеме ресурсов именно адекватные запросы и умение правильно интерпретировать результаты поиска позволяют получить достоверные данные и отсеивать «информационный мусор» и «фейковые новости» [3, 15], поскольку при недостаточном уровне информационной культуры люди оперируют недостоверными и непроверенными данными. Это также обусловлено и снижением общего уровня самостоятельного интеллектуального творчества, ведь любую информацию можно получить по одному клику «мышкой».

При этом достаточный уровень информационной культуры открывает в вузе широкий спектр возможностей, в частности, дистанционное обучение, удаленное взаимодействие с тьютором, преподавателем или научным руководителем, работа со справочными системами и учебными курсами, образование для людей с ограниченными возможностями.

Одной из таких цифровых опций является электронный учебник, который изначально создавался для системы открытого (дистанционного) образования. Сегодня электронный учебник способствует индивидуализации и интенсификации обучения, осуществлению контроля качества и управления учебным процессом для любых форм обучения (очная, заочная, в магистратуре и аспирантуре). Данная технология позволяет более активно использовать научный и образовательный потенциал ведущих университетов, привлекая лучших преподавателей к созданию электронных курсов и расширяя аудиторию обучаемых, в том числе за счет повышения мотивационной составляющей (гибкие условия обучения, индивидуализация обучения, большой комфорт процесса обучения) [10].

Во многих высших учебных заведениях достаточно эффективно используется виртуальная обучающая среда Moodle (Modular Object Dynamic Learning Environment), т.е. модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда, позволяющая преподавателям создавать собственные online-курсы и управлять их содержанием.

В системе можно создавать и хранить электронные учебные материалы и задавать последовательность их изучения. Благодаря тому, что доступ к Moodle осуществляется через Интернет или другие сети, студенты не привязаны к конкретному месту и времени, могут осваивать материал с учетом своих возможностей. Электронный формат позволяет использовать в качестве учебного материала не только текст, но и интерактивные ресурсы любого формата от статьи в интернет-энциклопедии до видеоролика на видеохостингах (YouTube, RuTube, Яндекс.Видео, Видео@Mail.Ru и др.). Все материалы курса хранятся в системе, их можно организовать с помощью ярлыков, тегов и гипертекстовых ссылок.

Система Moodle ориентирована на совместную работу. Здесь для этого предусмотрены такие инструменты как Форум, Анкетный опрос, Задания с различными видами ответов, Лекция, Тесты, Глоссарий, Вики (Wiki) и Hot Potatoes тесты. При этом обучение можно осуществлять как асинхронно, когда каждый

студент изучает материал в собственном темпе, так и в режиме реального времени, организовывая онлайн лекции и семинары. Система поддерживает обмен файлами любых форматов — как между преподавателем и студентом, так и между самими студентами [8].

Однако создание подобных учебников и онлайн-курсов требует и от студентов, и от преподавателей информационно-коммуникационной компетентности и цифровой культуры. Вопрос формирования информационно-цифровой культуры в высшей школе достаточно актуален сегодня, поскольку темп современной жизни предполагает быструю реакцию на изменяющуюся реальность и востребован тот специалист, который способен приспособиться к новым условиям труда. Следовательно, студент, имеющий знания, умения и навыки информационного самообеспечения учебной и научно-исследовательской деятельности, в будущем будет востребован и конкурентоспособен. Кроме того, человек с высоким уровнем информационно-цифровой культуры в современном информационном обществе способен повысить качество жизни, создать благоприятные условия для развития бизнеса, способствовать повышению эффективности государственного управления, а также развивать цифровой контент и при этом сохранять культурное наследие [1, с. 86].

Итак, чтобы сформировать информационную культуру у студентов и развить необходимые личностные ценности для работы с электронной информацией разрабатываются специализированные курсы и программы, проводятся тренинги для адаптации человека в информационном пространстве и формированию определенных поведенческих ориентиров. Однако эту цель можно достичь и в рамках преподавания гуманитарных дисциплин базовой части в вузе, в частности, на занятиях по иностранному языку, тем более что большая часть цифровой информации представлена на английском языке [12, с. 291].

На занятиях по иностранному языку на первых этапах можно давать задания по поиску необходимой страноведческой информации, при этом в начале обучения предоставлять студентам библиографический список, а затем —

только обозначать тематику. В результате этой работы студент получит навыки по поиску требуемой информации на иноязычных ресурсах, анализу и отбору нужную информацию, а также научится составлять и осуществлять поиск по указанным источникам информации, а позже и сам сможет составлять библиографические списки по теме.

На более продвинутом уровне языковой подготовки при изучении курса иностранного языка для специальных целей, студенты уже обладают достаточным уровнем профессиональных компетенций и готовы к работе с научными изданиями и написанию собственных работ. На этом этапе преподаватель уже может дать задание подготовить статью на профессиональную тематику, а также выполнить аннотирование или реферирование иноязычной научной работы [13]. При написании самостоятельной научной работы студенты учатся составлять библиографические описания различных документов, анализировать и верифицировать информацию, а также оформлять результаты исследований. По завершении студенты представят переработанную информацию в виде статьи, доклада, реферата или презентации в соответствии всех требований к их оформлению и ссылок на источники информации [2, 7, 12].

Одной из перспективных образовательных технологий сегодня являются массовые открытые онлайн-курсы (МООК). Это обучающие курсы с массовым интерактивным участием с применением технологий электронного обучения и открытым доступом через Интернет. МООК достаточно актуальны как с точки зрения организации самостоятельной работы студентов вузов, так и с точки зрения повышения качества образования студентов, особенно обучающихся на очно-заочных и заочных отделениях [6, 9].

Массовые открытые онлайн-курсы, появившиеся впервые в начале 2010-х годов, дали возможность интерактивного общения студентов и преподавателей, а также сдачи экзаменов в режиме онлайн. Подобные сайты рассчитаны на слушателей различных уровней подготовки — как на новичков, так и на опытных специалистов. В качестве дополнений к традиционным материалам учеб-

ного курса, таким как видео, чтение и домашние задания, массовые открытые онлайн-курсы дают возможность использовать интерактивные форумы пользователей, которые помогают создавать и поддерживать сообщества студентов и преподавателей.

На сегодняшний день существует более 12 000 MOOK, однако наиболее посещаемы 35 платформ. Это обусловлено прежде всего тем, что преподавание ведется на национальном языке. Немаловажную роль играет и уровень цифровой культуры в стране. В приоритете, конечно, англоязычные платформы. Наиболее разработанными являются Coursera, edX, Udacity, Kadenze, Canvas Network, Stanford Lagunita, Complexity Explorer в США; FutureLearn – в Великобритании; European Multiple MOOC Aggregator (EMMA) – в Евросоюзе; France Université Numérique (FUN) – во Франции; OpenHPI – в Германии; EduOpen и Federica.eu – в Италии; MiríadaX – в Испании; Campus-PI – в Израиле; XuetangX, CNMOOC, Chinese MOOCS, University of China MOOC – icourse163.org, Zhihuishu – в КНР; gacco, Fisdом, OpenLearning, JMOOC – в Японии; K-MOOC – в Корее; MéxicoX – в Мексике; SWAYAM и NPTEL в Индии; ThaiMOOC, ewant – education you want, Open Education (openedu.tw) – в Тайване [14].

В России существует образовательная платформа «Открытое образование» (Open Education (openedu.ru)), предлагающая онлайн-курсы по базовым дисциплинам, изучаемым в российских университетах. Платформа создана Ассоциацией «Национальная платформа открытого образования», учрежденной ведущими университетами – МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбПУ, СПбГУ, НИТУ «МИСиС», НИУ ВШЭ, МФТИ, УрФУ и Университет ИТМО. Все курсы, размещенные на Платформе, доступны бесплатно и без формальных требований к базовому уровню образования. Для желающих зачесть пройденный онлайн-курс при освоении образовательной программы бакалавриата или специалитета в вузе предусмотрена возможность получения сертификатов при условии прохождения контрольных мероприятий онлайн-курса с идентификацией личности обучающегося и контролем условий их прохождения.

Что касается иноязычных курсов, большинство из них платные. Так, в 2016 году Coursera прекратила выдачу бесплатных электронных сертификатов об успешном окончании MOOK. В 2017 года Coursera ограничила доступ к материалам большинства MOOK, например, чату/блогу или тестовым материалам.

Можно выделить следующие элементы типичного MOOK:

1) Видео-лекции продолжительностью от 3 до 10 минут.

Следует заметить, что большинство видео-лекций сопровождаются субтитрами на английском языке и транскриптом видео. На некоторых платформах предлагается функция регулировки скорости показа лекции. Видео-лекции могут читаться в диаде, содержать элементы интервью.

2) Текстовые материалы (обязательные и дополнительные) как в свободном доступе, так и по ссылке на интернет-магазин.

3) Презентации, которые можно сохранять на жесткий диск ПК.

4) Тестовый материал (диагностические тесты, промежуточные и итоговые).

5) Творческие задания. Эта форма контроля встречается в основном в курсах гуманитарной направленности.

6) Проекты.

7) Форум/чат, где слушатель должен представить себя; сделать комментарий по заданной теме; ответить на комментарии других слушателей курса; может задать вопросы по структуре курса, по выполнению заданий.

8) Связь с инструктором курса.

9) Связь с ассистентами преподавателя.

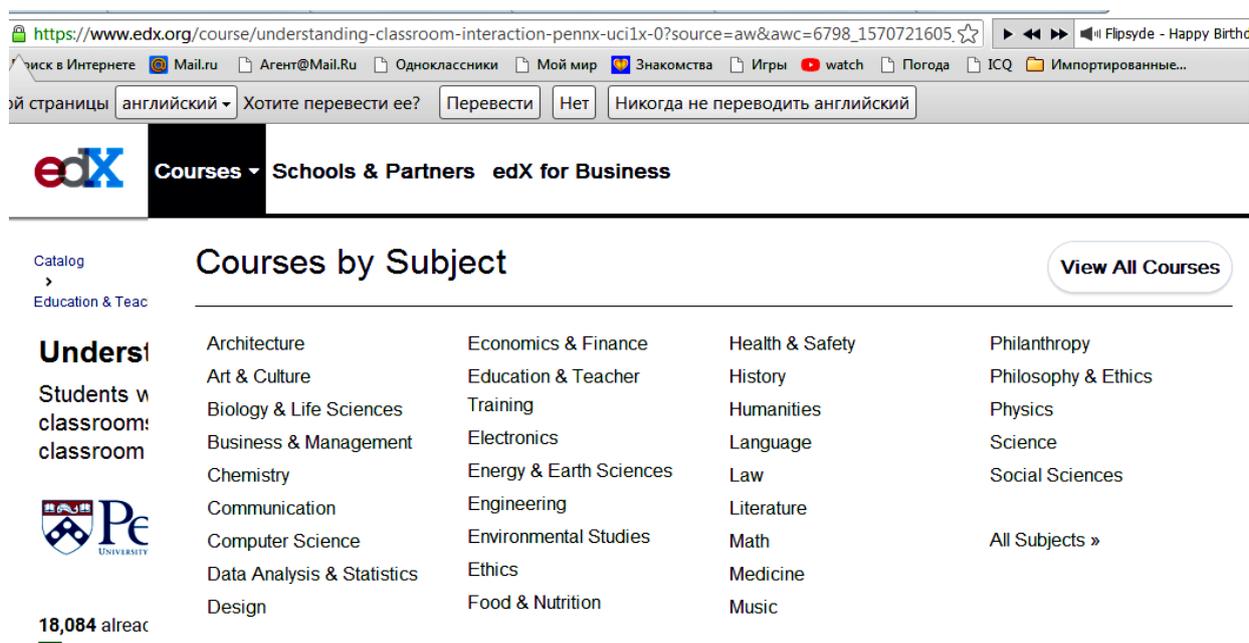
10) Связь с технической поддержкой курса.

Слушатели курса получают рассылки о начале/окончании курса/модуля; участвуют в опросах; получают рекламные рассылки с информацией о новых курсах.

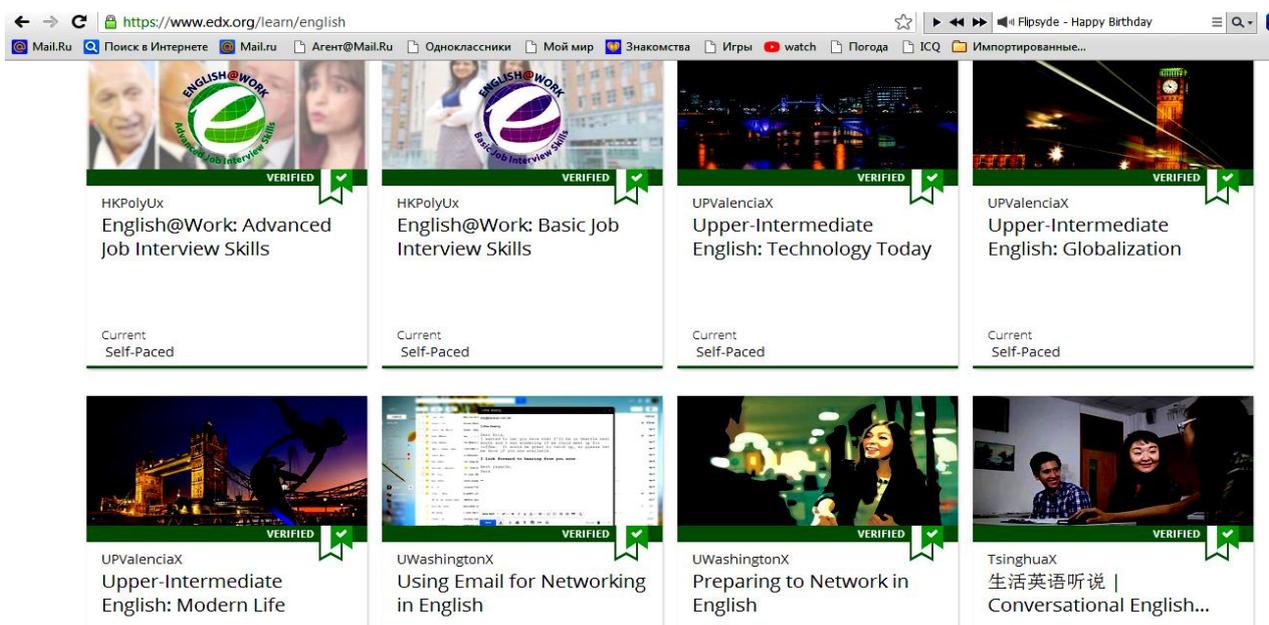
Однако для занятий в MOOK необходимы хорошо сформированные навыки работы в интернет-среде и, конечно, знание иностранного языка (для неязыковых курсов - не ниже уровня Upper-Intermediate).

В настоящее время наиболее актуальные MOOK по иностранным языкам предлагаются на таких платформах, как Coursera, edX, FutureLearn.

Рассмотрим американскую платформу edX (<https://www.edx.org/>), основанную Гарвардским университетом и Массачусетским технологическим институтом. Здесь представлены курсы по изучению информационных технологий, гуманитарных дисциплин и языков, управлению и бизнесу, по техническим дисциплинам и т.д.

Выбрав необходимый предмет, слушателю предлагаются разнообразные курсы.

Кликнув на необходимый курс, слушатель получает первичную информацию о нем: видео-визитка курса от инструктора, аннотация курса, его характеристика по продолжительности, трудоемкости (в часах в неделю), оплате и т.д. Информация по содержанию курса станет доступна после регистрации.

The screenshot shows a web browser window with the URL edx.org/course/how-write-essay-uc-berkeleyx-colwri2-1x-3. The page title is "How to Write an Essay". Below the title is a description: "An introduction to academic writing for English Language Learners, focusing on essay development, grammatical correctness, and self-editing." The Berkeley University of California logo is displayed. A green "Enroll" button is visible, along with a checkbox for email notifications. A video player thumbnail with a "Play Video" button is shown. On the right, a sidebar lists course details: Length (5 Weeks), Effort (5-6 hours per week), Price (FREE, with a \$49 USD certificate option), Institution (BerkeleyX), Subject (Humanities), Level (Introductory), Language (English), and Video Transcript (English). Social sharing icons for Facebook, Twitter, LinkedIn, and Email are at the bottom.

В целом, для слушателя с достаточным уровнем владения английским языком вся информация понятна. Однако существует ряд нюансов, которые необходимо знать, работая с такими цифровыми ресурсами. Так, не каждый браузер позволяет зайти на нужную платформу. Аналогичная ситуация складывается со скачиванием и копированием материалов.

Следовательно, изучая дисциплины гуманитарного блока, в том числе иностранные языки, посредством цифровых ресурсов, студенты имеют колоссальную возможность познакомиться с основами цифровой культуры и подго-

товить себя к дальнейшему самообразованию. Профессионал, не имеющий базового IT-образования, но обладающий навыками в области цифровой культуры, способен использовать инструменты, предлагаемые современным информационно-цифровым пространством [5].

Не следует забывать и о цифровой этике, которая подразумевает умение грамотно, с учетом национальной специфики и лингвистической нормы, выстроить общение с другими пользователями, модераторами курсов, платформ, предоставить верную информацию о себе. Здесь речь идет и об информационной безопасности: необходимо знать, какое законодательство существует в той или иной стране в области работы с цифровыми данными.

Цифровизация пронизывает все сферы жизни. Поэтому, чтобы уметь грамотно обращаться с окружающей нас информацией и при этом получать осмысленные результаты, нужна цифровая культура. Цифровая культура нужна сегодня не только специалистам в технических и экономических областях, но и профессионалам гуманитарной сферы. Такова экономика будущего. Без знаний в области цифровой культуры сегодня невозможно стать востребованным специалистом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колин К.К. Информационная культура и качество жизни в информационном обществе // Открытое образование. – 2010. – № 6. – С. 84-89.
2. Овчинникова О.А., Резунова М.В., Белозор А.Ф. Роль аннотирования и реферирования научного текста в подготовке магистров к межкультурной профессиональной коммуникации // Иностранные языки: Лингвистические и методические аспекты: межвузовский сборник научных трудов. – Тверь: Тверской государственный университет, 2018. – Вып. 40. – С. 91-96.
3. Распопова С.С., Богдан Е.Н. Фейковые новости: природа происхождения // Вестник ЧелГУ. – 2017. – № 11 (407). – С. 48-53.
4. Рахманова М.Д. Оптимизация педагогического процесса на основе учета мотивов усвоения языков и интеллектуального потенциала студентов // АНИ: педагогика и психология. – 2018. – № 2 (23). – С. 219-224.
5. Резунова М.В. Особенности цифровой поликультурной личности в современном обществе // Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации: сборник научных статей по материалам межвузовского научно-практического

круглого стола / под общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2020. – С. 12-18.

6. Резунова М.В., Белозор А.Ф., Овчинникова О.А. Межкультурная коммуникация как неотъемлемая составляющая профессиональной подготовки будущего специалиста народного хозяйства региона // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. – 2018. – № 5 (69). – С. 66-71.

7. Резунова М.В., Овчинникова О.А., Белозор А.Ф. Специфика организации самостоятельной работы магистрантов заочной формы обучения при освоении ими иностранного языка // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. – 2018. – № 3 (67). – С. 66-73.

8. Семьшев М.В., Резунова М.В. Организация самостоятельной работы студентов заочной формы при изучении иностранных языков // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: сборник научных статей по итогам V Международной научно-практической конференции / Под ред. В.С. Артемовой, Н.А. Сальниковой, Е.А. Цыганковой. – 2017. – С. 215-219.

9. Семьшев М.В., Семьева В.М., Резунова М.В., Овчинникова О.А. Формирование цифровой культуры студентов средствами гуманитарных дисциплин // Международный научный журнал. – 2020. – № 1. – С. 134-143.

10. Ториков В.Е., Резунова М.В. Особенности иноязычной подготовки аспирантов: теоретический и практический подходы // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. – 2016. – № 3 (55). – С. 82-88.

11. Ториков В.Е., Семьшев М.В., Семьева В.М. Информационно-коммуникационная компетенция как компонент межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации: сборник научных статей по материалам межвузовского научно-практического круглого стола / под общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2020. – С. 27-37.

12. Фролова Т.П. Формирование информационной культуры у студентов неязыковых специальностей средствами иностранного языка // IV Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина: сборник материалов. – Издательство: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 289-293.

13. Batarchuk D.S., Rezunova M.V. Students' willingness for cross-cultural dialogue as a basis for constructive interaction // icCSBs 2019 - The Annual International Conference on Cognitive - Social, and Behavioural Sciences Conference processing. Edited by S.V. Ivanova, I.M. Elkina. – 2019. – С. 71-83.

14. Shah D., Pickard L. Massive List of MOOC Providers Around The World // <https://www.classcentral.com/report/mooc-providers-list/> (Дата обращения: 10.05.2020).

15. Sukhodolov A.P., Vychkova A.M. Fake news as a modern media phenomenon: definition, types, role of fake news and ways of counteracting it // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – № 2. – С. 143-169.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И СОЦИУМ

Дюпон Евгения
Университет Бордо
Университетский научный департамент Ажена

Dupont E.
Université de Bordeaux
Département universitaire des sciences d'Agen

Овчинникова Ольга Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»
Брянский филиал

Ovchinnikova O.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Bryansk branch

Современная межличностная коммуникация уже давно вышла за пределы одного государства: компании все чаще нанимают сотрудников по всему миру, для научных исследований объединяются учёные из различных уголков земного шара, образовательные программы обеспечивают студенческую мобильность, а мягкий визовый режим способствует росту туристических потоков. Однако для успешной деятельности и эффективного взаимодействия сегодня необходимо не просто уметь общаться на иностранном языке с клиентами, поставщиками, коллегами, партнерами, исследователями, специалистами, преподавателями, обучающимися различного уровня и иными представителями других государств, но вести диалог с учетом особенностей национального менталитета и толерантно относиться к культурной инаковости, т.е. стать поликультурной языковой личностью [3, 4, 10].

Ключом к формированию поликультурной языковой личности является

язык, ведь если рассматривать вопрос социализации, то именно через язык устанавливаются межличностные отношения и создаются социальные связи. Кроме того, язык является отображением картины мира, поскольку человек концептуализирует окружающую действительность в направлении, подсказываемым национальным языком, и через язык происходит освоение ценностных ориентиров культуры и особенностей восприятия окружающего мира [2, 23], поэтому изучение иностранного языка во взаимосвязи с культурой имеет важное практическое значение для межкультурной коммуникации. Таким образом, сегодня для успешной деятельности различного рода крайне важно освоить целый спектр компетенций и сформировать ряд способностей к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур [2, 6].

Корректное освоение межкультурной иноязычной компетенции как основы формирования поликультурной языковой личности является важным направлением подготовки к кросс-культурному диалогу [28]. Именно языковая деятельность является отображением языковой и культурной идентичности, знание основ ритуального общения иной культуры позволяет ассимилироваться в иноязычном обществе и перейти из категории «чужих» в категорию «своих». Правильные речевые и эмоциональные реакции, знание дискурсивных особенностей и поведенческих норм становятся залогом свободы личности в иной национальной общности и позволяют осуществлять коммуникацию в любом социуме [1, 22].

Язык как маркер идентичности и самобытности стал рассматриваться, когда различные языковые общности стали кодифицировать свой язык в специальных словарях и грамматических собраниях. В Средние века по дискурсивным особенностям в европейских государствах формировались территориальные сообщества: по-прежнему существовал надэтнический язык религий и книжно-письменной культуры, но в повседневном бытовом общении использовался местный язык, поэтому страны были многоязычными и пестрыми в национальном отношении. И лишь в XIX веке Европа стала придерживаться прин-

ципа «один язык, одна нация, одно государство»: страны стремились к моноязычности, поскольку существует взаимосвязь между языком и мышлением, языком и культурой, языком и менталитетом нации. Таким образом, язык стал гарантом коллективной идентичности граждан государства, хотя во многих странах по-прежнему существуют региональные варианты национального языка и в приграничных территориях происходит смешение языков. В эпоху всеобъемлющей глобализации за счет роста межнациональных контактов происходит размывание языковой и культурной идентичности: компьютеризация, информатизация и цифровизация способствовали закреплению английского языка как универсального средства кросс-культурных диалогов [5]. Именно сейчас актуален вопрос формирования языковой поликультурной личности, ведь гражданин мира должен уметь вести эффективную коммуникацию с представителями других общностей. Однако крайне важен и вопрос сохранения национальной идентичности и защиты национального языка: так во Франции на законодательном уровне борются за чистоту французского языка.

Как мы уже отмечали, язык необходим для формирования коллективной идентичности, ведь он обеспечивает социальную сплоченность сообщества и является хранилищем национальной культуры и отображением национальной картины мира. Однако было бы уместнее говорить не о связи языка и культуры, а о связи дискурса и культуры, поскольку важным являются именно особенности использования языка. В пользу этого тезиса говорит то, что французская, квебекская, бельгийская, швейцарская культуры не идентичны, несмотря на использование одного и того же языка, аналогичная ситуация с бразильской и португальской, а также латиноамериканской и испанской культурами. Следовательно, не язык, а дискурс является отображением культурных особенностей и национального менталитета. Иными словами, носителями культуры являются не лексические единицы и не грамматические правила, а манера и способ говорения каждого сообщества: важно правильно использовать слова, знать особенности различного рода высказываний, уметь корректно спорить, шутить, объяснять и убеждать. Можно сказать, что дискурс является совокупностью языка и специфики

его использования, он находится в зависимости от культурных привычек национального сообщества, причем в пределах одного общенационального языка также существуют социальные и профессиональные аргы [14, 15].

В современной системе подготовки кадров к кросс-культурному взаимодействию основополагающим является освоение иноязычной коммуникативной компетенции [19, 20], которая представляет собой конгломерат ситуативной, дискурсивной, семантической и семиолингвистической компетенций.

Ситуативная компетентность предполагает знания о схемах построения диалога и особенностях интерпретации данных в зависимости от условий общения. Нужно уметь определять идентичность собеседника, и в зависимости от целей и предмета коммуникации выбирать необходимый набор языковых средств: выстраивать диалог с учетом статуса собеседника, его социальной роли и его места в социальной иерархии; исходя из дискурсивных целей выбирать модель предписания, информирования, инструктирования и т.д.; предмет коммуникации предполагает знание особенностей выбранной модели общения и обуславливает выбор специализированного вокабуляра. Другими словами, нужно следить за тем, чтобы соответствовать модели диалога иноязычного сообщества в различных ситуациях общения, нужно понимать, каким образом люди принимают в нем участие, осознавать, какие слова можно использовать, а какие темы считаются табуированными и т.д. [13, 17].

Дискурсивная компетенция предполагает формирование способности «построения целостных, связных и логичных высказываний разных функциональных стилей в устной и письменной речи на основе понимания различных видов текстов при чтении и аудировании» [9]. Человек должен уметь корректно выбирать лингвистические средства в зависимости от типа высказывания, чтобы наладить общение и обеспечить правильную интерпретацию его слов, а также уметь распознавать и осваивать дискурсивные процессы в пределах ограничений ситуационного контекста [25]. Для эффективной коммуникации между участниками диалога должен быть выбран определенный тип взаимоот-

ношений (превосходство, равенство, дистанция и т.д.), что предполагает знания устных и письменных языковых ритуалов, соответствующих культурным привычкам каждого языкового сообщества. Именно эти ритуалы определяют языковое поведение человека, они также являются своего рода маркерами принадлежности к общности «своих» или «чужих»: достаточно уехать за границу, чтобы увидеть, что иноязычные ритуалы не совпадают с ритуалами материнской культуры [13, 17]. Следовательно, при подготовке к межкультурному диалогу необходимо уделять особое внимание формированию способности распознавания этих ритуалов и получению навыков кросс-культурного общения через социальное обучение и взаимодействие с представителями иных государств.

Важность освоения смысловой компетенции обусловлено тем, для понимания друг друга партнерам по языковому обмену необходимо использовать общие знания. В первую очередь это знания, которые соответствуют восприятию и являются более или менее объективным определением мира, которые иногда получаются из нашего общечеловеческого опыта (солнце встает и садится), а также полученные в результате обучения (Земля вращается вокруг Солнца). Однако существуют знания и убеждения, которые соответствуют другим стандартизированным системам ценностей, принятым в некой социальной группе, они могут определять модель суждений ее членов и влиять на их образ жизни и манеру деятельности. Освоение семантической компетенции очень сложный процесс, поскольку она главным образом основана на жизненном опыте общества: например, в Мексике при приглашении на ланч нужно отвечать «*Sí, como no*» (Да, конечно), даже если не собираетесь приходить, поскольку в этой стране важно не поставить собеседника в уничижительное положение, а прямой отказ от предложения может оскорбить собеседника. Кроме того, знание культурных особенностей коммуникации на бытовом уровне также приобретается благодаря непосредственному контакту с представителями других культур: так язык общения между взрослыми и детьми явно отличается от языка научной или деловой коммуникации. Другим важным аспектом семанти-

ческой компетенции является освоение особенностей социальных вариантов языка: знание специального вокабуляра профессионального общения и изучение лексического массива различного типа аргументов позволяют быстрее сократить дистанцию между участниками диалога.

Семиолингвистическая компетентность предполагает формирование способностей распознавать и генерировать знаковые формы, знать правила их сочетаемости и корректно интерпретировать их значения, т.е. использовать специальные семиотические модели для решения прикладных задач в заданных ситуационных ситуациях с учетом особенностей дискурсивной организации [7]. Именно эта компетенция позволяет правильно строить предложения и тексты: для создания текста нужно правильно выбрать формат в соответствии с целью коммуникации в рамках ситуации общения. Этот формат может быть обусловлен особенностями письменной или устной коммуникации, которые могут существенно варьироваться в зависимости от ситуации общения и от материнской культуры собеседников, ведь у представителей различных языковых сообществ нет одинаковых навыков организации текста.

Итак, мы видим, для реализации эффективной межкультурной коммуникации и для правильного формирования языковой поликультурной личности человек должен пройти путь «язык – дискурс – идентичность – культура». Язык является отправной точкой, ведь эта система, которая не только обеспечивает передачу данных, но и детерминирована государственной принадлежностью и является общей основой для членов языкового сообщества, а также маркером национальной идентичности. Язык играет роль зеркала и символа идентичности: механизмы языкового поведения, которое отражает как привычки мысли, убеждения и суждения, характеризуют социальную группу и определяют её дискурсивные стандарты, а также определяют взаимоотношения между людьми, живущими в сообществе [8]. Между языком и дискурсом нельзя ставить знак равно, поскольку каждая языковая система имеет свои особенности обусловленные эволюцией языка в каждом государстве: речь жителя канадской

провинции Квебек и речь гражданина Франции будут отличаться, несмотря на использование одного и того же языка. Аналогичную ситуацию мы видим и в использовании испанского языка мексиканцами и испанцами, а для английского языка зачастую делается уточнение, является ли это британский или американский вариант. Дискурсивные особенности обусловлены историей каждой языковой общности, образом жизни, социальными нормами, которые регулируют его отношения с другими людьми и детерминируют суждения человека. К тому же не стоит упускать из вида тот факт, что для приграничных территорий многих стран характерен не классический билингвизм, а формирования конгломерата двух языковых систем, которые формируют региональный вариант национального языка. Что касается классического билингвизма, то здесь важным моментам является то, какой язык освоен первым, поскольку он будет оказывать влияние на обучение другим языкам в плане акцента, скорости речи, манере речевого поведения, невербальной составляющей коммуникации и др. — эти моменты особенно наглядны при изучении аудио- и видеозаписей речи на английском языке представителей различных государств. Кроме того, есть существенные различия речевого поведения в условиях устной и письменной коммуникации.

Прохождение пути «язык — дискурс — идентичность — культура» является залогом эффективной коммуникации, а также гарантом успешной ассимиляции в иноязычном обществе [29]. Это особенно актуально в эпоху студенческой, рабочей и научной мобильности: человек должен не только изучить языковую систему принимающей страны, но и освоить специфичные для культуры этой страны способы высказывания, если он хочет успешно интегрироваться в мир труда и войти в общественную жизнь [12, 23]. Что касается детей второго и третьего поколения мигрантов, то они, как правило, адаптируются к языковой картине мира новой страны, которая больше не может считаться принимающей, поскольку они освоили её культурные ценности.

Каким же образом подготовить человека к повседневной жизни, учёбе

или профессиональной деятельности в иноязычном обществе. Здесь в зависимости от целей языковой подготовки можно прибегать к различным подходам: имплицитный, эксплицитный и культурный шок. Первые подходы широко используются в современной системе образования, но часто – в комбинированной форме, таким образом реализуется дифференцированный подход, который зависит от возраста обучающихся, уровня их языковой компетенции, а также особенностей самого лексико-грамматического материала.

Имплицитный подход предполагает акцент на обучении без объяснения правил, он реализуется на основе аутентичных материалов (комиксы, рекламные объявления, газеты, рассказы, фильмы, интервью и литературные произведения), ведь они обладают культурным подтекстом и демонстрируют особенности различных типов дискурсов, которые характерны для представителей того или иного государства [11]. Самостоятельное выявление, описание и попытка объяснить культурные стереотипы позволяют лучше понять специфику национальной идентичности и самобытности культуры.

Эксплицитный подход является противоположным по отношению к имплицитному и предполагает целенаправленное объяснение и разбор особенностей того или иного типа дискурса. Это подход в большей степени используется на продвинутых уровнях языковой подготовки, например, при работе с профессионально-ориентированной литературой [16], изучении основ деловой переписки или же при освоении социальных вариантов языка.

Еще один подход предполагает обучение через культурный шок, когда человек один проживает за границей, он вынужден контактировать с представителями иноязычного общества [26]. Он естественным путем осваивает специфику межличностных отношений в повседневной жизни, в дружеской и рабочей обстановке. Конечно, этот подход предполагает наличие возможности поездок за границу, стажировок и более или менее продолжительного пребывания в иноязычном обществе. Однако этот подход можно реализовать и без зарубежных поездок: если в группе обучающихся есть представитель иной культу-

ры, то можно моделировать различные ситуации общения с учетом его консультаций, кроме того современные цифровые технологии позволяют не выходя из дома общаться с жителями других стран [18, 24].

Следует отметить, что в эпоху глобализации появилось такое понятие как мировые ценности, это ряд универсалий, которые составляют основу успешной межкультурной коммуникации, независимо от того, кто является участниками диалога. Кроме того, важным фактором являются компетенции, связанные с социальным взаимодействием: инициативность в общении, коммуникативная гибкость, целенаправленное интерактивное поведение, уважение ценностей других культур [29, 30]. Важны и такие личностные характеристики как эмоциональная стабильность, критическое мышление, эмпатия, уверенность в себе, открытость и гибкость.

Итак, перед современным человеком стоит очень важная задача: сегодня важно уметь вести диалог и взаимодействовать с людьми по всему миру, т.е. наряду с другими важными для профессиональной деятельности компетенциями целенаправленно формировать межкультурную языковую компетенцию. К тому же миграционные процессы, трудовая и учебная мобильность предполагают проживание в иноязычном социуме, поэтому необходимо уметь адаптироваться к условиям проживания в другой национальной системе. В данном случае важно освоить глобальные ценности, позволяющие вести диалог в любой точке мира, а также изучать специфику межличностного общения в иноязычном обществе. Кроме того, крайне важно сохранять свою идентичность и оставаться носителями ценностей материнской культуры, что в условиях глобализации становится все сложнее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Батарчук Д.С. Готовность к межкультурной коммуникации как показатель развития поликультурной личности // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: коллективная монография / Под. общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2019. – С. 137-160.

2. Белозор А.Ф., Овчинникова О.А. Культурологический и лингвистический компоненты межкультурной коммуникации на французском и английском языках // *Litera*. – 2018. – № 2. – С. 153-161.

3. Бушев А.Б. Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 6, Языкознание. – Реферативный журнал. – 2018. – № 4. — С. 137-149.

4. Ветчинова М.Н. Основные теории и концепции соизучения языка и культуры // Язык и культура. – 2018. – № 43. – С. 33-45.

5. Герасимова И.А., Ивахнов В.Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Сервис+. – 2017. – № 2. – С. 66-76.

6. Давыдкина М.А. Иностраннный язык – как один из аспектов формирования поликультурной личности // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения Санкт-Петербургский академический университет, Алтайский институт экономики; ФГБНУ «Сибирский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства». – 2016. – С. 155-160.

7. Иванова Д.Н., Донченко Е.Н. Модель воспроизводства социальных сценариев в системе взаимодействия языка с социальной культурой // ИВД. – 2019. – № 2 (53). // <https://cyberleninka.ru/article/n/model-vosproizvodstva-sotsialnyh-stsenariev-v-sisteme-vzaimodeystviya-yazyka-s-sotsialnoy-kulturoy> (Дата обращения 01.05.2020).

8. Истомина О.Б. Диалог в условиях диспозиции «Свой-чужой» // Вестник БГУ. – 2010. – № 6. – С. 66-70.

9. Карасёв А.А. К вопросу о смысловом содержании понятия «Грамматическая компетенция» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2012. – № 4. – С. 60-65.

10. Корякина А.А. О поликультурной языковой личности // Интернет-журнал «Мир науки». – 2016. – Том 4. – № 6. // <http://mir-nauki.com/PDF/25PDMN616.pdf> (Дата обращения 01.05.2020).

11. Литвиненко Т.Е., Старченко Т.Е. Видеоурок в поликультурном коммуникативном пространстве (на материале видеокурсов РКИ) // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2019. – № 1. – С. 158-166.

12. Медведева С.А. Развитие межкультурной коммуникации как критерий инновационности в образовании // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: сб. научных статей по итогам V Международной научно-практической конференции / Под редакцией В.С. Артемовой, Н.А. Сальниковой, Е.А. Цыганковой. – Брянск, 2017. – С. 110-115.

13. Овчинникова О.А. Эффективная межкультурная коммуникация: особенности ритуального языка делового общения // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: коллективная монография/ Под. общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2019. – С. 69-82.

14. Овчинникова О.А., Резунова М.В. Анализ лексического репертуара как способ познания картины мира, отраженной во французском аргю и английском сленге // Филология: научные исследования. – 2018. – № 1. – С. 77-83.

15. Овчинникова О.А., Резунова М.В. Комплексный анализ профессионального дискурса: особенности функционирования аргю французских полицейских // Филология: научные исследования. – 2020. – № 1. – С. 153-163.

16. Овчинникова О.А., Резунова М.В., Белозор А.Ф. Роль аннотирования и реферирования научного текста в подготовке магистров к межкультурной профессиональной коммуникации // Иностранные языки: Лингвистические и методические аспекты: межвузовский сборник научных трудов. – Тверь: Тверской государственный университет, 2018. – Вып. 40. – С. 91-96.

17. Резунова М.В. Национальный стиль вербального общения как основополагающий компонент успешной межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: коллективная монография / Под. общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2019. – С. 46-68.
18. Резунова М.В. Особенности цифровой поликультурной личности в современном обществе // Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации: сборник научных статей по материалам межвузовского научно-практического круглого стола / под общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2020. – С. 12-18.
19. Резунова М.В., Белозор А.Ф., Овчинникова О.А. Межкультурная коммуникация как неотъемлемая составляющая профессиональной подготовки будущего специалиста народного хозяйства региона // Вестник ФГОУ ВПО Брянская ГСХА. – 2018. – № 5 (69). – С. 66-71.
20. Резунова М.В., Овчинникова О.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых вузов // Вестник ФГОУ ВПО Брянская ГСХА. – 2018. – № 4 (68). – С. 63-67.
21. Саушева Е.В. Роль языковой картины мира в процессе коммуникации // Вестник КГУ. – 2017. – № 3. – С. 169-170.
22. Седых А.П. Языковая личность и межкультурная компетенция // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2013. – № 4. – С. 149-154.
23. Семашко Т.Ф. Стереотип как фрагмент языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 2 (32). – С. 176-179.
24. Ториков В.Е., Резунова М.В. Особенности иноязычной подготовки аспирантов: теоретический и практический подходы // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. – 2016. – № 3 (55). – С. 82-88.
25. Умарова С.С. Формирование дискурсивной компетенции в сфере устного общения // Вестник науки и образования. – 2020. – № 24-4 (78). – С. 33-35.
26. Шагалова О.Г., Ваганова О.И., Смирнова Ж.В. Культурный шок в процессе освоения чужой культуры // БГЖ. – 2019. – № 3 (28). – С. 188-191.
27. Шачнев С.А. Человек в культуре: факторы духовной трансформации // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: коллективная монография / Под. общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2019. – С. 10-17.
28. Шачнев С.А. Межкультурная коммуникация как фактор гармонизации международного общения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2016. – № 15 (236). – С. 182-187.
29. Bartel-Radic A. La compétence interculturelle : état de l'art et perspectives // Management international. – 2009. – Vol. 13, (n°4). – P. 11-26
30. Eubel-Kasper K. Interkulturelle Kompetenz als strategischer Erfolgsfaktor - erläutert am Beispiel des Förderkreises // Globalisierung: von der Vision zur Praxis. Methoden und Ansätze zur Entwicklung interkultureller Kompetenz. – Zürich, Versus, 1997. — P. 139-158.

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Резунова Мария Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»
Брянский филиал

Rezunova M.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Bryansk Branch

В нынешний век глобализации и интернационализации стираются географические государственные границы; создаётся единое мировое экономическое, экологическое и информационное пространство; расширяется культурный обмен. Коммуникация между культурами становится открытой и доступной. Благодаря высоким технологиям происходит многоаспектное сближение стран и народов, становление единого поликультурного мира, в рамках которого расширяются экономические, политические и культурные связи между странами. В глобализирующем мире изменяется и само общество: оно становится поликультурным. В таком социуме наряду с сохранением самобытности культуры каждой отдельно взятой этнической группы развиваются универсальные, глобальные особенности.

Более того стремительный прогресс информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий в начале XXI века не только позволяет практически мгновенно передавать информацию, но и способствует более интенсивным и «близким» коммуникациям. В результате действия глобализационных и информатизационных процессов формируется новая реальность, так называемая «глобальная деревня» (термин введен канадским социологом Маршаллом Маклюэном). В данной реальности утрачиваются практически все внешние и внутренние барьеры между этническими группами, народами, стра-

нами, континентами. При этом межкультурная коммуникация, как отмечает Л.°Карнаушенко, оказывает «заметное влияние на архитектуру нового общества. Границы коммуникативного акта значительно расширяются по сравнению с его первичным научным пониманием (это не только общение, но и артефакт культуры, цивилизации, общественного строя)» [5, с. 38-39].

Успешная межкультурная коммуникация предполагает соблюдение принципов международного культурного сотрудничества. Наличие этих принципов свидетельствует о стремлении мирового сообщества к сознательному регулированию культурного взаимодействия. Эти принципы предполагают одновременное развитие всех отраслей культуры; уважение самобытности; взаимную выгоду всех участвующих в культурном сотрудничестве народов; равноправие, уважение каждой культуры, развитие каждым народом собственных материальных и духовных ценностей, признание многообразия культур достоянием всего человечества [13, с. 183]. Важную роль в межкультурном коммуникативном взаимодействии играет поликультурная языковая личность. Ведущим признаком такой личности является ее направленность на готовность и способность жить и активно взаимодействовать с представителями различных национальностей. Поликультурная направленность личности проявляется в потребностях, интересах, доминирующих мотивах, убеждениях, лежит в основе приобретения этнокультурных знаний, навыков и умений [16].

Рассмотрим сущность понятия «поликультурная языковая личность» и ее компетентностную модель. Согласно Ю.Н. Караулову, к языковой личности можно отнести любого носителя того или иного языка, который характеризуется набором знаний и умений, определяющих его способность к созданию и восприятию коммуникации, различной степени языковой сложности; глубины и точности отражения действительности, а также целевой направленности [4, с. 26-27]. В отличие от собственно языковой к поликультурной является личность, в структуре которой средствами иностранного языка сформирован такой набор компетенций, который позволяет ей ориентироваться в поликультурном мире и способствует её успешной межкультурной коммуникации [11, с. 22].

Разумеется, степень сформированности тех или иных характеристик у конкретных субъектов культуры различна, следовательно, различны и уровни их культурного развития. Это можно объяснить тем, что культурный уровень детерминируется многими условиями и факторами (социально-экономическими, социально-политическими, духовными, психологическими и иными) [14, 15].

Компетентностную модель современной поликультурной языковой личности можно представить в виде диаграммы (рис. 1).

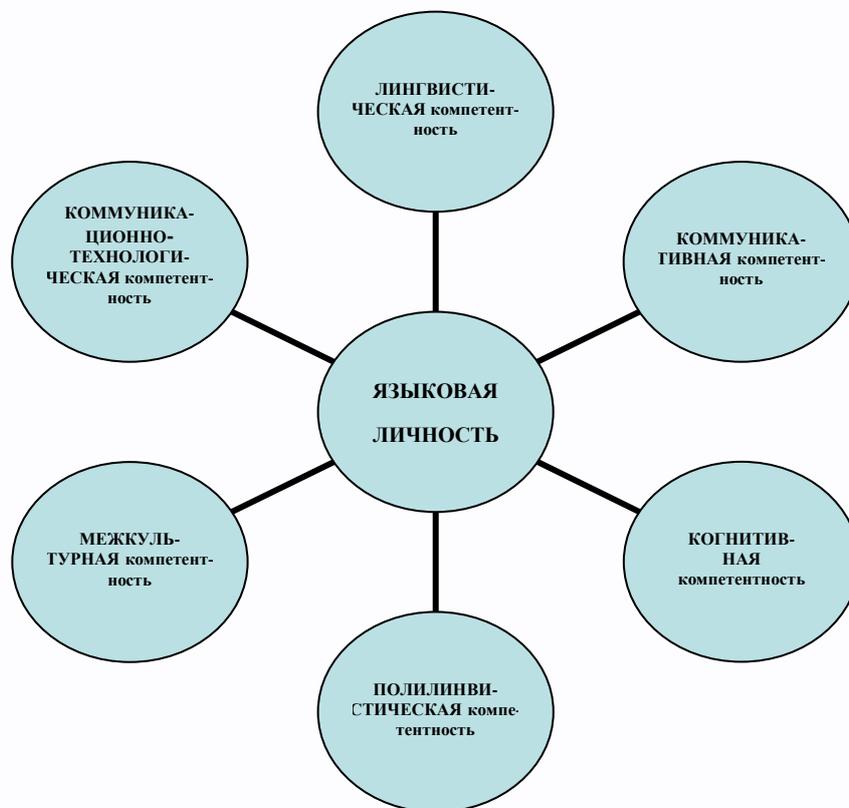

Рис. 1. Компетентностная модель поликультурной языковой личности

Базовой компетентностью модели, на наш взгляд, является собственно **языковая и/или лингвистическая (языковедческая)**, предполагающая наличие:

- необходимых знаний о языке как знаковой системе (ее фонемном, морфемном, лексическом, синтаксическом уровнях) и как общественном явлении, его устройстве, развитии и функционировании;

- основных норм родного и иностранного языка, словарным запасом и грамматическим строем речи;
- способностей к анализу и оценке языковых явлений и фактов;
- базовых знаний о лингвистике как науке;
- умений пользоваться различными лингвистическими словарями.

Основные компетенции в рамках данной компетентности охватывают четыре вида речевой деятельности (устную и письменную речь, умение воспринимать речь и читать вслух и про себя с пониманием прочитанного), в основе которых лежат знаниями в области лингвистики речи (стили и типы речи, способы связи предложений в тексте), умения и навыки анализа текста. Немаловажным фактором являются лексические навыки. Именно в лексике заложены те смыслы, с помощью которых происходит общение людей между собой. Восприятие и употребление слова тесно связаны с процессами формирования, формулирования и оформления мысли лексическими средствами языка.

По сути, лингвистическая компетентность – это сформированная способность личности к полноценному межличностному общению во всех сферах человеческой деятельности с соблюдением языковых норм устной и письменной коммуникации. В этой связи лингвистическая компетентность неотделима от коммуникативной. Нередко лингвистическую компетентность называют основным компонентом коммуникативной, так как без знания слов и правил образования грамматических форм, структурирования осмысленных фраз невозможна никакая вербальная коммуникация.

Коммуникативная компетентность считается одной из важнейших качественных характеристик личности, позволяющей реализовать ее потребности в социальном признании, уважении, самоактуализации и помогающей успешному процессу социализации. Понятие «коммуникативная компетентность» настолько многогранное, что одни исследователи понимают ее как совокупность коммуникативных умений, включающих владение социальной перцепцией; умения речевого общения, речевого и неречевого контакта с окружающими;

другие — как способность личности взаимодействовать вербально, невербально или молча; как интегративную способность целесообразно взаимодействовать с другими на своем уровне обученности, воспитанности, развития, на основе гуманистических личностных качеств (общительности, искренности, такта, эмпатии, рефлексии и т.п. и с учетом коммуникативных возможностей собеседника [3].

Традиционно в состав данной компетентности включают совокупность коммуникативных знаний, умений и способностей, обеспечивающих эффективное протекание коммуникативного процесса, а именно: умения инициировать и вступать в контакт; формировать благоприятное первое впечатление; задавать вопросы и отвечать на них; вести беседу, кратко и точно выражать свои мысли; слушать, услышать и понять то, что имел в виду собеседник; осуществлять обратную связь, т.е. передать участнику беседы, что его услышали и поняли; ослаблять эмоциональное напряжение в процессе общения; адекватно воспринимать и грамотно интерпретировать невербальные сигналы собеседника (взгляд, мимику, жесты, позы); управлять в процессе общения собственными средствами выражения эмоций; эффективно взаимодействовать с другими, осуществляя сотрудничество; владеть моделями общения; использовать в процессе взаимодействия разнообразные коммуникативные стили; понимать специфику речевых жанров и средств достижения цели общения.

Компетентный участник коммуникации умеет слушать, наблюдать, анализировать, интерпретировать и применять имеющиеся формы поведения. Коммуникативная компетентность подразумевает, что участники кросс-культурного диалога восприимчивы, открыты не только друг к другу, но и к культурам, представленным во взаимодействии. Восприимчивость предполагает гибкость, терпение, понимание, интерес к другим культурам, открытость и комфорт в общении. Важным элементом любой коммуникации является толерантность к поведению или обычаям, которые кажутся странными или необычными.

Таким образом, коммуникативная компетентность предполагает способ-

ность личности приспосабливать и моделировать свое коммуникативное поведение к обстановке, другому человеку и самому себе в различных сферах и ситуациях общения. В основе коммуникативной компетентности лежит не просто владение языком и другими кодами общения, а особенности личности в целом, в единстве его чувств, мыслей и действий, которые задействованы в определенном социальном контексте.

Выделяется также **когнитивная компетентность**, оказывающая влияние на успешность и социального, и профессионального взаимодействия. Европейское сообщество трактует когнитивную компетенцию как «готовность к постоянному повышению образовательного уровня, потребность в актуализации и реализации своего личностного потенциала, способность самостоятельно приобретать новые знания и умения, способность к саморазвитию, постоянному обогащению своей профессиональной компетентности» [2, с. 63].

Когнитивная компетентность достаточно важна для поликультурной языковой личности. Все изменения в языке, культуре, картине мира языковая личность фиксирует, все старое, известное – актуализирует. В языке постоянно рождаются новые варианты и умирают старые; то, что вчера было недопустимо, сегодня становится возможным, а завтра – единственно верным.

Так, 1 сентября 2009 года в нашей стране вступил в силу приказ Минобрнауки, утверждающий в качестве официальных словари русского языка, в которых признается допустимым ряд нетипичных, ранее считающихся неверными вариантов произношения и словоупотребления (ударение на первый слог в слове договор, отнесение слова кофе к среднему роду).

В английском языке практически до конца XX века в соответствии с грамматическими нормами для образования будущего времени с местоимениями первого лица (I, we) употребляли вспомогательный глагол shall, с остальными лицами – will. Сейчас shall полностью вышло из употребления и нередко называется «пережитком прошлого».

В 1996 году была предпринята и реформа немецкого правописания,

ставящая целью упростить немецкую орфографию и пунктуацию (например, произошла в ряде слов замена буквы ß на удвоенную ss).

С сентября 2016 года во Франции вступили в силу новые правила орфографии, которые упрощают традиционную систему письма. Реформа унифицирует расстановку диакритических знаков, упраздняет устаревшую орфографию слов и в некоторых случаях даже приводит к соответствию написание и произношение (например, oignon / ognon [ɔʁɔ̃]).

Учитывая динамическое развитие языка, выраженное в упрощении сложных правил и норм, в перманентном появлении новой лексики, не говоря уже об арго и сленге, когнитивная компетентность языковой личности обеспечивает её готовность воспринимать это новое, познавать его и повышать свою лингвистическую и другие компетенции [7, 8].

Когнитивная компетентность необходима поликультурной языковой личности еще и потому, что для иноязычной коммуникации необходимо намного больше когнитивных способностей, чем для общения на родном языке. В процессе общения на иностранном языке человек должен одновременно воспринимать, что и как говорит его собеседник, и реагировать на полученную информацию. Фактически он должен мысленно перевести данное сообщение на родной язык, подготовить ответ на своем языке, а затем перевести его на иностранный. Если иноязычный словарный запас ограничен, то когнитивная нагрузка возрастает еще больше. Поэтому уровень сформированности когнитивной компетентности должен быть значительно выше у поликультурной языковой личности, чем у языковой.

Полилингвистическая компетентность подразумевает знания о языковых системах разных культур, умения применять иностранный язык с учетом национального коммуникативного стиля и способность переходить с одного языка на другой в процессе общения.

Показателями сформированности полилингвистической компетентности являются умения вычленять особенности культуры собеседника и отражать

собственную культуру средствами иностранного языка; умения выявлять особенности культуры на основе того иностранного языка, который является родным для партнера по коммуникации [12, с. 235].

В отличие от собственно лингвистической компетентности полилингвистическая подразумевает способность адаптировать под себя или под собеседника как иностранный язык, так и свой родной, его реалии, языковую картину иномира. Дело в том, что кросс-культурный диалог может происходить и на родном языке, который для собеседника будет являться иностранным. В этом случае необходимо уметь определять уровень языковой компетенции другого человека и общаться на своем языке с учетом скорости речи, выбора лексики, применения невербальных средств общения и т.д. Так, устная речь должна быть медленнее, отчетливее, выразительнее, чем обычно. Обязателен визуальный контакт с говорящим на неродном языке, чтобы уловить, как воспринимается информация. С точки зрения лексики следует помнить, что профессионализмы, арго, метафоры, сленг и разговорные выражения нередко могут препятствовать пониманию, поэтому их желательно избегать.

Особое место занимают невербальные средства коммуникации. К ним относится язык телодвижений (жесты, мимика, взгляд, поза, движения, физический контакт в ходе общения, сигнал дистанции, выбор места общения, расположение относительно собеседника и др.), а также совокупность коммуникативно значимых социальных символов, характерных для данного социума. С одной стороны, невербальные средства коммуникации позволяют упростить общение, с другой стороны, могут породить ряд конфузных или некомфортных ситуаций и воздвигнуть барьеры в общении представителей различных культур.

Проблемы, с которыми сталкивается каждый, кто приспосабливается к новой культуре, многочисленны. В процессе адаптации к другой культуре человек изначально испытывает различные психологические и физические неудобства, называемые культурным шоком. Он может ощущать беспокойство и чувства удивления, дезориентации, неуверенности, замешательства и т.п. Иногда

это состояние вызывает сбой защитных механизмов организма человека и приводит к болезни [1]. Культурный шок считают неотъемлемой частью адаптации индивидуума к новой культурной среде.

Выделяют четыре основных этапа культурного шока. Первый этап называют «honeymoon» («медовый месяц»), так как в этот период человек испытывает возвышенные чувства от нового места, новых людей, всего нового. Однако достаточно скоро этот этап сменяется новым – «hostility stage» («стадией враждебности»), когда индивид начинает уставать от всего нового; всё вокруг его раздражает и расстраивает; утомляет даже общение на неродном языке; возникает острая тоска по дому, родине, родным. Далее наступает третий этап — «recovery» («восстановление, примирение с ситуацией»). В этот период человек начинает воспринимать окружающий его мир позитивнее, пытается приспособиться к новым культурным нормам, ценностям и даже верованиям и традициям другой страны. Последним этапом культурного шока является «adjustment» («приспособление, привыкание»). Этот этап характеризуется преодолением конфликта культур и приспособлением к новой культурной среде. Индивид ощущает себя комфортно, межкультурная коммуникация происходит успешно. Человек ведёт повседневную жизнь, как и ранее на своей родине. Он понимает и чтит местные традиции и обычаи, перенимает некоторые модели поведения и чувствует себя более свободно [18, с. 179-180].

Очевидно, чтобы достичь успешного понимания, человек, живущий в обществе с отличной от его культурой, должен решать проблемы языкового барьера, незнакомых обычаев и практик, а также культурных различий в вербальных и невербальных стилях общения. Сильный, творческий человек способен справиться с этим внутренним конфликтом. Более того, культурный шок может стать стимулом для личностного роста.

Люди, пытающиеся приспособиться к другой культуре и взаимодействовать в ней, сталкиваются не столько с языковыми проблемами, сколько с культурными различиями. Если человек не может овладеть языком принимающей

культуры, то ему следует хотя бы попытаться освоить доминанты вербального и невербального национального общения (формы приветствия, коммуникативное поведение на улице, в общественном транспорте, в магазине и т.п.), потом постепенно создавать свой фонд знаний о другой культуре, религии, политической системе, национальных ценностях и убеждениях, вербальном и невербальном поведении, организации семьи, социальном этикете и пр. С культурным шоком практически не сталкиваются те, у кого хорошо сформирована межкультурная компетентность.

Межкультурная компетентность включает социокультурные компетенции (набор знаний реалий изучаемого языка, национально-культурных особенностей речевого и социального поведения его носителей; умение применять эти знания в процессе коммуникации и соблюдать принятые обычаи, правила и модели поведения, нормы этикета, а также способность представлять свою страну и ее культуру) и этнокультурную компетенцию (наличие этнокультурных знаний, определяющих готовность личности к эффективному межэтническому взаимодействию, при этом сохраняя свою этническую идентичность при условии, что она стремится к пониманию других этнокультур, уважает иные этнические общности, умеет жить в мире и согласии с представителями разных национальностей) [6, 17].

Иными словами, межкультурная компетентность – это внутренняя способность личности разрешать возникающие трудности межкультурной коммуникации, связанные с культурными различиями и незнанием, возможным стрессом, т.е. эффективно и адекватно взаимодействовать с представителями другой лингвокультурной среды на их условиях.

Стоит признать, что виртуальная среда нередко предлагает намного больше возможностей для поликультурного общения, взаимодействия и сотрудничества, чем реальная. Цифровая межкультурная коммуникация может носить характер как диалога (электронное письмо и т.п.), так и полилога (чаты, форумы, блоги видеоконференции, социальные сети). Такая альтернативная

коммуникация (цифровая) способствует быстрой и эффективной интеграции собственной и иноязычной культур.

Интернет сегодня перестал быть просто системой хранения и передачи информации; это такое виртуальное пространство, в котором размыты границы между устной и письменной речью, диалогом и монологом. Здесь имеет место смешение вербального и невербального, своего и иного языка. Кроме того, цифровая коммуникация не только предоставляет возможности для общения с представителями иных культур, но и служит средой для развития и формирования поликультурной языковой личности. В данном случае речь идет об информационно-коммуникационной компетентности и цифровой культуре [9].

Информационно-коммуникационную компетентность определяют как способность личности использовать коммуникационные программы Интернет в целях поиска информации и установления взаимодействия с представителями других культур [10].

Виртуальная коммуникация позволяет поликультурной личности открыто выражать себя, задействуя всевозможные языковые и речевые средства, адаптируя для себя и развивая различные коммуникативные стратегии, в том числе тактики интернет-коммуникации, способствующие более успешному взаимодействию с носителями других культур. Овладевая коммуникационно-технологической компетентностью, поликультурная языковая личность может вести кросс-культурный диалог с носителями другого языка и культуры из любой точки земного шара.

Таким образом, современная поликультурная языковая личность представляет собой индивида, готового и способного к активному продуктивному сотрудничеству с представителями поликультурного мира, как в реальной, так и виртуальной (цифровой среде) благодаря комплексу взаимозависимых компетентностей (рис. 1). Необходимость формирования поликультурной языковой личности продиктована условиями глобального мира, для эффективного функционирования в котором недостаточно изучать и понимать лишь культуру

страны изучаемого языка. Именно поэтому задачей современной высшей школы является создание условий и применение средств и технологий обучения, способствующих развитию и формированию необходимых компетенций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Голуб Л.Н. Адаптация как социальный процесс // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. – 2018. – № 1 (65). – С. 64-68.
2. Дудко Д.В. Когнитивная компетентность личности будущего педагога и динамика ее формирования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 63-2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-kompetentnost-lichnosti-buduschego-pedagoga-i-dinamika-ee-formirovaniya> (Дата обращения 10.05.2020).
3. Захарова Т.В., Басалаева Н.В., Казакова Т.В., Игнатъева Н.К., Киргизова Е.В., Бахор Т.А. Коммуникативная компетентность: понятие, характеристики // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 4 // <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20413> (Дата обращения 10.05.2020).
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство Либроком, 2014. – 264 с.
5. Карнаушенко Л.В. «Глобальная деревня» как новая форма социальной организации постиндустриального общества и фактор угрозы государственному суверенитету // Философия права. – 2016. – № 2 (75) // <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-derevnya-kak-novaya-forma-sotsialnoy-organizatsii-postindustrialnogo-obschestva-i-faktor-ugrozy-gosudarstvennomu> (Дата обращения 10.05.2020).
6. Курачев Д.Г. Этно-конфессиональные отношения как социальный заказ культуры толерантности // Социально-экономические и гуманитарные практики инновационного развития России: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, учителей и ученых. – 2017. – С. 176-179.
7. Овчинникова О.А., Резунова М.В. Анализ лексического репертуара как способ познания картины мира, отраженной во французском аргю и английском сленге // Филология: научные исследования. – 2018. – № 1. – С. 77-83.
8. Овчинникова О.А., Резунова М.В. Комплексный анализ профессионального дискурса: особенности функционирования аргю французских полицейских // Филология: научные исследования. – 2020. – № 1. – С. 153-163.
9. Семышев М.В., Семышева В.М., Резунова М.В., Овчинникова О.А. Формирование цифровой культуры студентов средствами гуманитарных дисциплин // Международный научный журнал. – 2020. – № 1. – С. 134-143.
10. Халяпина Л.П. Интернет-коммуникация как новая реальность глобального мира // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества: труды Международной научно-теоретической конференции / Отв. за выпуск О.Д. Шипунова. – 2015. – С. 39-40.
11. Халяпина Л.П. Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством Интернет-коммуникации в процессе обучения иностранным языкам: автореферат дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.02. – Санкт-Петербург, 2006. – 48 с.

12. Халяпина Л.П. Формирование поликультурной языковой личности как цель обучения иностранным языкам в условиях глобализации общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 10 (78). – С. 230-236.
13. Шачнев С.А. Межкультурная коммуникация как фактор гармонизации международного общения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2016. – № 15 (236). – С. 182-187.
14. Шачнев С.А. Человек в культуре: факторы духовной трансформации // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: коллективная монография / под. общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2019. – С. 10-17.
15. Шачнев С.А. Профессиональная культура государственного служащего: методологические и практические аспекты совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 4. – С. 21-28.
16. Batarчук D.S. The role of ethno-cultural knowledge in the development of multicultural students personality // icCSBs 2019 - The Annual International Conference on Cognitive - Social, and Behavioural Sciences. Conference processing. Edited by S.V. Ivanova, I.M. Elkina. – 2019. – С. 9-20.
17. Batarчук D.S., Rezunova M.V. Students' willingness for cross-cultural dialogue as a basis for constructive interaction // icCSBs 2019 - The Annual International Conference on Cognitive - Social, and Behavioural Sciences Conference processing. Edited by S.V. Ivanova, I.M. Elkina. – 2019. – С. 71-83.
18. Oberg^oK. Culture shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. – 1966. – № 7. – P. 177–182 // <http://uchebana5.ru/cont/2909970-p3.html> (Дата обращения 10.05.2020).

ГОТОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Батарчук Дмитрий Сергеевич

кандидат педагогических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»
Брянский филиал

Batarчук D.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Bryansk branch

Современный мир человеческих отношений в условиях этнической диверсификации общества постоянно подвергается влиянию различных факторов. Информационное пространство современного мира в настоящее время создает

предпосылки как положительные, так и отрицательные для развития отношений между людьми. Обострения и напряженность в межгосударственных отношениях, многополярность человеческой жизни, полиэтничность современного общества, низкий уровень этнокультурной грамотности оказывают непосредственное влияние на готовность личности к межкультурному диалогу и как следствие на конструктивность межнационального взаимодействия. Молодежь, характеризующаяся сензитивностью своего развития, оказывается особенно восприимчива к различным изменениям. В настоящее время с учетом телекоммуникационных средств молодежь может быть активно включена в процесс межкультурного взаимодействия. В этой связи наиболее важным становится процесс формирования и развития качеств личности позволяющей ей вступать в межкультурный диалог, понимать информационные послы, кодировать и декодировать информацию с учетом культурных различий населения страны и мира. В первую очередь необходимо развивать качества поликультурной личности (эмпатия, этнотолерантность, гуманизм и др.). Такие качества, прежде всего, дают возможность вступать в диалог, предполагающий взаимность в информационном обмене. Особое значение имеет развитие этнокультурных знаний человека, которые позволяют объективно оценить коммуникативный акт, его содержание и спрогнозировать будущее взаимодействие.

Актуальность рассматриваемой научной проблемы подтверждается активными исследованиями ученых. Проблема межкультурного диалога как основа конструктивного взаимодействия рассматривается в следующих концептуальных аспектах исследователей: диалогическая педагогика (Н.А. Асташова) [1], реализация поликультурного образования в диалоговом образовательном пространстве (Н.А. Асташова, С.К. Бондырева, О.Л. Жук) [3], межнациональный конфликт и диалог культур (Д.С. Батарчук) [5], толерантность личности (А.А. Деркач) [10], рефлексивно-диалогическое взаимодействие личности (Н.А. Коваль) [11], социокультурная детерминация (С.В. Мерзлякова) [28], коммуникативная компетенция (Р.П. Мильруд; М.В. Резунова) [15, 19], меж-

культурный диалог как инновационный фактор (М.В. Шалаева) [22] и другие. Изучаемая проблема имеет достаточно большую методологическую основу, в связи с тем, что готовность к межкультурному диалогу предполагает наличие четко сформированных критериев, позволяющих молодежи активно и беспрепятственно вступать в общение с людьми имеющими культурные различия [26]. В данной работе проблема межкультурного диалога рассматривается в контексте межнационального взаимодействия.

Культурное разнообразие современного мира, являясь фактором, влияющим на характер взаимодействия, вызывает актуальную потребность, заключающуюся в создании специальных условий в образовательном процессе, позволяющих формировать готовность личности к межкультурному диалогу, создавая тем самым основу для конструктивного взаимодействия [21]. В современном образовательном процессе необходимо создавать программы, реализовывать специальные психолого-педагогические технологии, реализация которых будет способствовать повышению уровня развития готовности к межкультурному диалогу.

Методологически важными научными выводами являются труды ученых, посвященные: единению разных народов в воспитательном пространстве (Н.А. Асташова, С.К. Бондырева) [2], развитие поликультурной личности средствами народной педагогики (Д.С. Батарчук) [6]. В процессе формирования готовности к межкультурному диалогу необходимо уделять внимание содержанию воспитательного потенциала образовательной среды (И.Ф. Бережная, Н.И. Вьюнова) [7], формированию толерантной личности (В.Н. Гуров) [9].

В то же время эффективность формирования готовности к межкультурному диалогу зависит от подготовки педагогов для межкультурного взаимодействия обучающихся (А.К. Лукина) [13]. Особенно привлекает концептуальная идея педагогического сопровождения развития личности (И.А. Липский) [12].

В процессе формирования готовности к межкультурному диалогу важно обращать внимание и учитывать этнокультурную идентичность (С.В. Мерзля-

кова, Н.В. Бибарсова) [14], уровень иноязычной коммуникативной компетенции (М.В. Резунова, О.А. Овчинникова) [18, 19], гармонизацию международного общения (С.А. Шачнев) [23, 24], этнокультурную компетентность (Т.G. Stefanenko, А.S. Kupavskaya) [29], этноязыковые процессы (S. Zharkynbekova) [30]. Имеющиеся в современной психолого-педагогической науке опыт и концептуальные идеи создают методологическую основу решения научной задачи, которая состоит в поиске эффективных путей формирования готовности личности к межкультурному диалогу, обеспечивая конструктивное взаимодействие.

Одним из них видится развитие поликультурной личности, обладающей способностью к межкультурному диалогу, как идеальной модели конструктивного межнационального взаимодействия. Поликультурная личность — это личность, социально и психологически готовая и способная к межкультурному диалогу. Анализ научной литературы позволил выделить следующие методологические подходы, которые мы выделили как основные в результате теоретического анализа исследуемой проблемы.

Культурно-исторический подход (Л.С. Выготский). Отправной точкой познания развития психики применительно к психологии личности служит представление о психологических системах как возникающих и закрепляющихся в ходе онтогенеза новых высших психологических функций. Личность с этой позиции также представляет собой относительно устойчивую психологическую систему высшего интегративного уровня. В процессе развития личности осуществляется развитие аффективно-потребностной сферы, которое проходит тот же культурно-исторический путь, что и познавательные процессы.

Системный подход (В.Г. Афанасьев, И.В. Блауберг, Е.Н. Богданов, В.А. Лекторский, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин и др.) составляет многообразие связей, их разнокачественность и соподчинение.

Деятельностный подход (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн). Внося свои коррективы в цели и задачи педагогического процесса, деятельностный подход перестраивает, главным образом, его процессуально-

технологическую сторону таким образом, чтобы субъект образовательного процесса овладел деятельностью в ее целостном представлении, ее основными этапами, процедурами (К.А. Абульханова-Славская, П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина, В.В. Давыдов и др.).

Акмеологический подход. С позиции данного подхода личность, способная к межкультурному диалогу как объект психолого-педагогического изучения, рассматривается нами как продукт развития этнически диверсифицированного общества, то есть содержит элементы личностной динамики.

Субъектный подход (К.А. Абульханова, Г.И. Аксенова, А.В. Белошицкий, И.Ф. Бережная, Н.М. Борытко, С.М. Годник, Н.К. Сергеев, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн и др.) подразумевает понимание и изучение жизненного пути человека как поликультурной личности, как субъекта этноса и межкультурного взаимодействия.

Диалогический подход. Большинство авторов рассматривают диалог как путь к самоопределению, безграничную коммуникацию (М.М. Бахтин, В.С. Библер, М. Бубер, М.М. Гасанов, Г.М. Кучинский, Э.В. Сайко, В.Н. Топоров, В.Н. Фирулина, Ан Су Ми, К. Ясперс).

Культурологический подход (М.М. Бахтин, В.С. Библер, И.А. Ильева, И.А. Колесникова, Л.Н. Коган, И.А. Соловцова и др.). Системообразующими понятиями культурологического подхода являются «культура», «гуманизм», «гуманитарное мышление», представляющие подход как методологию, обеспечивающую перспективность современного образования.

Личностно-ориентированный подход (Н.А. Алексеев, Ш.А. Амонашвили, В.В. Сериков, Е.В. Бондаревская, И.С. Якиманская и др.) предполагает ориентацию образовательного процесса на личность, с учетом интересов и направленности, личностных черт и особенностей. Целью личностно-ориентированной парадигмы образовательного процесса является создание педагогических условий, при которых формирование готовности к межкультурному диалогу происходит продуктивно.

Аксиологический подход (Б.М. Бим-Бад, Н.М. Борытко, Б.С. Брушлинский, А.В. Кирьякова, Н.Д. Никандров, В.А. Сластенин, Я.С. Турбовской, З.И. Равкин, Г.И. Чижакова и др.) содержит идеи системно-ценностной ориентации в образовании и позволяет подчеркнуть важность развития поликультурной личности в педагогической системе.

Этнопедагогический подход (Г.Н. Волков, О.В. Аракелян, С.К. Бодырева, Г.Д. Дмитриев, К.Д. Ушинский, З.Б. Цаллагова и др.) представлен идеями реализации воспитания и обучения на основе накопленного разными народами педагогического опыта, этнопедагогике семьи, рода, племени. Этнопедагогический подход учитывает в организации образовательного процесса особенности национального характера, представления и взгляды на сущность воспитательного процесса. Этнофункциональный подход рассматривает этническую функцию элементов психики человека (прежде всего отношений), интегрирующих или дифференцирующих его с теми или иными этносами или этническими системами (А.В. Сухарев).

На основании данных подходов готовность к межкультурному диалогу рассматривается в единстве трех сторон отношений – когнитивной, эмоциональной и конативной. Отсюда три стороны отношения личности к представителям других национальностей (когнитивная связана с познанием жизни людей других национальностей, интереса к их культуре; эмоциональная подразумевает содержание и силу чувств, переживаний в связи с реальными переживаемыми представлениями о жизни родной страны за ее пределами; конативная тождественна с контекстной, планируемой стратегией жизни).

Взаимопонимание в межкультурной коммуникации позволяет достичь такого уровня межэтнических отношений, который позволяет достичь совместности и, по сути, обеспечить доверие между представителями разных этносов, отсутствие напряжения и этноцентризма.

При этом на основе культурной близости, осознания необходимости межэтнических контактов, комплиментарности достигается взаимопонимание между представителями различных этнических общностей.

Механизмами понимания в межкультурной коммуникации выступает следующее:

- готовность стать на место другого, проявление эмпатии;
- стремление к объективации информации и получению знания для формирования правильного понимания происходящего или оценки сложившейся ситуации [4].

Можно выделить три уровня готовности к межкультурному диалогу: низкий, средний и высокий.

Низкий уровень характеризуется негативным отношением к иноязычной культуре, преобладает этноцентризм, фрагментарное уважение к нормам и традициям других культур, низкий уровень эмпатии, низкий уровень знаний системы универсальных ценностей, низкий уровень толерантности, знания о различиях в структурах речевых актов в родной и иноязычной культурах не являются системными и основаны на фрагментарном общении с представителями разных национальностей; не развито умение дифференцировать ценности при общении с представителями другой культуры, взаимодействовать с представителями других этнических культур в практике общения для взаимного сотрудничества.

Средний уровень отражает фрагментарность, амбивалентность отношения к иноязычной культуре, этноцентризм проявляется на уровне избирательности отношений, уважение к нормам и традициям других культур связано с частотой общения, средний уровень эмпатии, проявляется мотивация к познанию культурных особенностей различных народов, но они носят фрагментарный, бессистемный характер, толерантные отношения избирательны; умение дифференцировать ценности при общении с представителями другой культуры преимущественно связано с непосредственным опытом взаимодействия с представителями этнических культур.

Высокий уровень выражается в стремлении личности к познанию культурных особенностей различных народов, высокий уровень мотивации к изучению иностранного языка, высокий уровень рефлексии и способность к кон-

структивному общению с представителями различных национальностей, положительное, эмоционально-ценностное отношение к представителям своей и других этнических культур, высокий уровень толерантности, умение строить отношения и вступать в диалог на основе универсальных поведенческих норм, норм этнической культуры, ориентация на чувственное восприятие с позиции субъекта общения.

Знание этнокультурных особенностей, владение иностранным языком, понимание традиций, обрядов, норм, национального характера, обычаев позволяет вступать в межкультурный диалог с чувством уверенности и познавательной активности, тем самым обуславливая высокий уровень готовности к межкультурному диалогу.

Формирование готовности к межкультурному диалогу в образовательном процессе возможно через конструирование и функционирование целостной педагогической ситуации, состоящей из частных педагогических ситуаций.

Педагогическая ситуация рассматривается как часть учебно-воспитательного процесса, которая включает в себя его целостные характеристики, является результатом взаимосвязей и взаимодействия всех его компонентов (целей, содержания, форм, методов, отношений, требований и т.д.).

Применение педагогических ситуаций в процессе формирования готовности обучающихся к межкультурному диалогу разнообразно. Педагог, управляя процессом воспитания, специально конструирует, создает, отбирает педагогические ситуации, преследуя решение вполне определенных задач; используя объективно существующие ситуации, педагог ставит обучающегося в положение объекта и субъекта воспитания, с целью достижения его активного участия в конкретных педагогических ситуациях, возбуждает проявление адекватных формируемым качеств личностных состояний обучающихся; педагог оптимизирует процесс воспитания (становления, развития), создает, отбирает педагогически ценные ситуации.

Необходимо конструировать целостные педагогические ситуации форми-

рования готовности к межкультурному диалогу, которые складываются из частных педагогических ситуаций, направленных на актуализацию готовности к диалогу субъектов образовательного процесса, стимулирование формируемых поликультурных личностных качеств и свойств.

Целесообразно, применять педагогические ситуации, побуждающие обучающихся к межкультурному диалогу. Педагогические ситуации («Мы живем в диалоге», «Межнациональное общение объединяет нас», «Я на месте другого», «Я-участник диалога», «В диалоге наша сила», «Ты и Я, вместе Мы друзья», «В ритме диалога» и др.) конструируется с целью развития способности и готовности к межнациональному общению на основе этических и правовых норм и правил, к межкультурному диалогу, уважительному отношению, проявлению эмпатии, формирования адекватных поведенческих реакций на основе понимания этнического разнообразия современного мира.

Данные педагогические ситуации способствуют проявлению этнотолерантных отношений, мотивируют обучающихся к поиску путей конструктивного межкультурного диалога, установлению межнациональных контактов и взаимодействию на основе принципов миролюбия, уважения и признания.

В качестве средств применяются тренинговые занятия, направленные на укрепление готовности к конструктивному межнациональному взаимодействию, на развитие способности к самопознанию, самоанализу, развитие социальной восприимчивости, доверительных отношений, эмпатических способностей; ролевые игры, упражнения направленные на развитие навыков межнационального общения и помогающие избегать социально-психологической напряженности в межкультурном диалоге; проведение праздников, фестивалей с участием представителей различных национальностей.

В случае возникновения затруднений, в качестве педагогической поддержки и активизации обучающихся на тренингах можно использовать ситуации выбора, как определенную систему согласованных между собой прямых, непосредственных ориентаций обучающихся на социальное ожидание участни-

ков диалога, норм общественной жизнедеятельности и опосредованных внутренних ориентиров личности – ее интересов, позиций, стремлений, потребностей в соответствии с достаточным ориентиром своих возможностей свободно, без помощи других, успешно выйти из этой ситуации, получив удовлетворение от межкультурного диалога. Ситуации выбора помогают обучающимся осуществить многовариантный, системный анализ межкультурного диалога.

Подобные педагогические ситуации предъявляют соответствующие требования к личности обучающегося, побуждают его к анализу широкого круга социальных явлений, системы знаний о межкультурном диалоге; помогают осмысливать общекультурные ценности, согласовывать мотивы и эффективные пути выхода из сложившейся ситуации межкультурного диалога; актуализировать свои эмоционально-волевую, когнитивную, нравственную и творческую сферы. Также ситуации выбора стимулируют обучающихся к проявлению личностной рефлексии, связанной с проблемой межкультурного диалога и отношений.

На данном этапе в образовательном процессе применяются педагогические ситуации, способствующие развитию рефлексии обучающихся и закрепляющие сформированные конструктивные установки межнациональных отношений в диалоге («Готов ли я к диалогу с представителями других национальностей?», «Владею ли я культурой межнационального общения?» и др.).

Под рефлексией понимается способность обучающегося анализировать свои действия, поступки, мотивы и соотносить их с действиями, поступками, мотивами участников межкультурного диалога, с общечеловеческими ценностями.

В контексте реализации педагогических ситуаций применяются вопросы, инициирующие свободные высказывания обучающихся после того или иного занятия, мероприятия. В обратной связи отражаются их мнения, переживания, впечатления. Можно инициировать письменные ответы на следующие вопросы: «Почему необходимо способствовать формированию готовности к межкультурному диалогу?», «Согласны ли Вы с утверждением, что в Вашем регионе есть все условия для организации конструктивного межкультурного диалога?».

«С какими трудностями можно столкнуться в процессе формирования готовности к диалогу в полиэтничной среде?». Кроме того, эффективными будут тренинговые занятия, в которых осуществляется взаимодействие представителей различных национальностей.

При применении таких занятий, конструировании или подборе подобных ситуаций учитываются взаимные стереотипы, различия в ролевых ожиданиях, обычаях, традициях и т.д. Применение таких ситуаций требует от педагога и обучаемых большой предварительной подготовки и прогнозу взаимного влияния и напряжения, которое иногда возникает в процессе обсуждения; интервью с применением «критического инцидента» (предлагается вспомнить события, в которых что-то произошло, что резко – в позитивную или негативную сторону изменило их мнение о представителях других национальностей и повлияло на их взаимоотношения по этническому признаку); анализ различных поступков людей в процессе межкультурного диалога (приведение конкретных примеров с последующими вопросами: «Как поступили бы Вы в такой ситуации?», «Какие пути для конструктивного межкультурного диалога Вы можете предложить?»); побуждение обучающихся к рефлексии перед или по итогам совершения того или иного поступка, связанного с проблемой диалога в современном многонациональном мире. В данных ситуациях были актуальными вопросы: «Почему я так поступил?», «Что я чувствую после совершения данного поступка?», «Что чувствует человек, с которым я так поступил?», «Почему я не смог найти выхода из сложившейся ситуации?» и др.

Следует отметить, что целостная педагогическая ситуация выступает в качестве механизма формирования готовности обучающихся к межкультурному диалогу. При ее конструировании крайне необходимо учитывать стадиальность развития поликультурности личности (от формирования позитивной этнической самоидентификации до развития способности молодежи к личностной рефлексии и интроспекции в связи с самоопределением личности в многонациональном пространстве России и мире) [25].

Особое значение в процессе формирования готовности к межкультурному диалогу играет изучение иностранного языка. Для понимания особенностей развития поликультурной личности в процессе изучения английского языка крайне важным является утверждение В.В. Сафоновой о том, что глобализация английского языка сможет сыграть положительную роль, только если она будет способствовать минимизации языкового барьера с целью расширения культурного обмена между странами и народами и не при каких обстоятельствах не будет переходить в языковую и культурную экспансию [21, с. 117].

В процессе глобализации, являясь языком международного общения, английский язык будет изучаться во всем мире не только для общения между носителями языка и иностранцами, а главное, как основное средство общения представителей разных стран и культур между собой. В ряде научных работ уже описаны примеры использования английского языка как языка международного общения (D. Crystal). Отличительной чертой языка международного общения является возможность, способность и необходимость отражения в нем культур участников межкультурной коммуникации. Язык международного общения должен нести информацию об контактирующих культурах, отражая именно их ценности и нормы. Глобализация языка международного общения должна предоставлять возможность отражения в нем других культур, а также отражать культурное разнообразие современных поликультурных обществ и являться одним из основных средств развития поликультурной личности [27, с. 89].

Одним из главных условий успешности и эффективности межкультурной коммуникации является наличие у ее участников языковой компетенции. Лингвистическая компетенция подразумевает комплексное владение знаниями о системе языка, об особенностях функционирования единиц языка в дискурсе, а также предполагает способность использования этих знаний для понимания чужих мыслей и для выражения своих как в устной, так и в письменной формах. Это не просто развитие умений говорения, аудирования, чтения и письма, а также получение набора знаний о семантическом, синтаксическом, морфоло-

гическом, фонетическом и лексическом аспектах языка, но и формирование способности к полноценному и эффективному речевому общению в разных сферах с соблюдением социально-культурных норм поведения. Речь идет о межкультурной коммуникативной компетенции, подразумевающей знания, умения и навыки, помогающие преодолевать культурные различия и успешно строить процесс общения с представителями другой культуры на родном для них языке [20].

Многочисленные исследования по межкультурной коммуникативной компетенции свидетельствуют, что барьеры в общении представителей различных культур возникают вследствие национально-культурных особенностей их поведения, как вербального, так и невербального. Общаясь на родном языке, люди совершают действия интуитивно, следуя нормам, освоенным ими в процессе социализации.

Успешная межкультурная коммуникация предполагает не простой обмен информацией, а подразумевает различного рода взаимодействие. Поскольку люди имеют различный уровень языковой подготовки и багаж экстралингвистических знаний, а также разную степень освоения поведенческих норм иной культуры, существует несколько уровней эффективности межкультурного общения. Если индивид в ходе общения обменивается информацией, но не идентифицирует в собеседнике представителя иной культуры, то он находится на нулевом уровне. Другими словами, он не задается вопросом культурных различий и не осознает культурную инаковость собеседника. На следующем монокультурном уровне человек осознает самобытность своей культуры и использует в общении стереотипные модели материнской картины мира, а его мышление остается этноцентричным. А для успешной межкультурной коммуникации необходим выход на межкультурный уровень, когда индивид понимает различия материнских культур других стран, умеет применять эти знания на практике, то есть способен адаптироваться к реалиям иных культур. Самым высоким считается транскультурный уровень, который предполагает оценку межкультурных различий и способность решения межкультурных проблем в ком-

муникации, именно на этом уровне достигается самая высокая степень эффективности межкультурного общения.

Итак, для успешной межкультурной деятельности человек должен осознавать, что он является представителем своей аутентичной культуры, и не прибегать к своим традициям и обычаям вне материнской культуры, а придерживаться чужих правил и норм повседневного общения, проявляя таким образом толерантность и уважение к иной культуре. Это особенно важно, когда речь идет о миграции в другую страну: среди условий получения вида на жительство и гражданства во многих странах можно увидеть сдачу экзаменов по национальному языку, истории и основам национального законодательства. При этом экзамен по национальной культуре не всегда предусмотрен, что, возможно, обусловлено тем, что язык как раз и является ключом к другой картине мира. Следовательно, уровень владения языком определяется не только хорошими знаниями лексики и грамматики, человеку также необходимо комплексное освоение иноязычной культуры, ведь язык позволяет понять образ жизни и модели поведения, а также традиции и ценности, присущие иноязычному обществу [16].

Таким образом, готовность личности к межкультурному диалогу – это интегративное образование, включающее в себя систему критериев, основными из которых являются готовность к участию в этнических контактах и сформированность межкультурной коммуникативной компетенции, уровень толерантности, мотивация к познанию различных этнических культур, уровень рефлексии.

Формирование готовности к межкультурному диалогу в процессе образовательной деятельности наиболее эффективно при условии, что личностные установки на конструктивное межнациональное взаимодействие формируются в результате совместной деятельности и межнационального общения; происходит в процессе социализации на протяжении всей жизни человека, являясь динамичным поступательным личностным образованием; наиболее эффективно в том случае, если образовательный процесс ориентирован на создание условий для формирования субъектной позиции личности «Я – гражданин мира», специальной среды в которой личность становится субъектом межнационального взаимодействия и познания; в образовательном процессе осуществляется более резуль-

тативно, в том случае, когда взаимодействие субъектов межнационального общения основано на диалоге, связанном с глубоким пониманием национального многообразия мира, реального окружения, формированием этнотолерантности и уважением. Учет в процессе таких принципов как ориентация на личность, толерантное общение, учет индивидуально-психологических возрастных особенностей, культуросообразности, народности, преемственности поколений, взаимного уважения позволили достичь поставленной цели исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Асташова Н.А. Концептуальные основы диалогической педагогики // Психолого-педагогический поиск. – 2018. – № 3 (47). – С. 15-29.
2. Асташова Н.А., Бондырева С.К. Педагогическое миротворчество: грани единения разных народов в воспитательном пространстве // Известия Российской академии образования. – 2016. – № 2 (38). – С. 14-31.
3. Асташова Н.А., Бондырева С.К., Жук О.Л. Подготовка будущего учителя к реализации идей поликультурного образования в диалоговом образовательном пространстве // Образование и наука. – 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 27-50.
4. Батарчук Д.С. Готовность к межкультурной коммуникации как показатель развития поликультурной личности // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: коллективная монография / Под. общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2019. – С. 137-160.
5. Батарчук Д.С. Межнациональный конфликт и диалог культур // Акмеология. – 2012. – № 1. – С. 115.
6. Батарчук Д.С. Психолого-педагогическое сопровождение развития поликультурной личности средствами народной педагогики в условиях полиэтнической образовательной среды // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 344. – С. 153-159.
7. Бережная И.Ф., Вьюнова Н.И. Воспитательный потенциал университетской образовательной среды // Вестник Воронежского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 90-97.
8. Бубер М. Два образа веры. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 529 с.
9. Гуров В.Н. Формирование толерантной личности в полиэтнической образовательной среде. – М.: Педагогическое общество России, 2004. – 240 с.
10. Деркач А.А. Толерантность личности: характеристики, закономерности, механизмы формирования. – М.: РАГС, 2003. – 173 с.
11. Коваль Н.А. Рефлексивно-диалогическое взаимодействие личности как проблема гуманитарного знания // Современные научные исследования. – 2012. – № 12 (9). – С. 3.
12. Липский И.А. Педагогическое сопровождение развития личности: теоретические основания. Теоретико-методологические проблемы современного воспитания: сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 280-287.

13. Лукина А.К. Подготовка педагогов для межкультурной интеграции детей мигрантов / Социальное взаимодействие в различных сферах жизнедеятельности: материалы VII Международной научно-практической конференции, 2017. – С. 210-216.

14. Мерзлякова С.В., Бибарсова Н.В. Этнокультурная идентичность как фактор формирования семейного самоопределения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2017. – Т. 8. – № 11-1. – С. 98-116.

15. Мильруд Р.П., Максимова И.Р. Коммуникативная компетенция как готовность учащихся к общению на иностранном языке // Язык и культура. – 2017. – № 38. – С. 250-268.

16. Овчинникова О.А. Эффективная межкультурная коммуникация: особенности ритуального языка делового общения // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: коллективная монография / Под. общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2019. – С. 69-82.

17. Овчинникова О.А., Резунова М.В. Иноязычная коммуникативная компетенция как основа успешной профессиональной деятельности // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: Сборник науч. ст. по итогам VII Международной научно-практической конференции / Под редакцией В.С. Артемовой, Н.А.Сальниковой, Е.А.Цыганковой. – Брянск, 2019. – С. 257-261.

18. Резунова М.В., Овчинникова О.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых вузов // Вестник Брянской сельскохозяйственной академии. – 2018. – № 4 (68). – С. 63-67.

19. Резунова М.В. Иноязычная коммуникативная компетентность как средство преодоления культурного шока // Язык в сфере профессиональной коммуникации: Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. Акатовой Н.Г. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2020. – С. 257-263.

20. Резунова М.В. Особенности цифровой поликультурной личности в современном обществе // Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации: сборник научных статей по материалам межвузовского научно-практического круглого стола / под общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2020. – С. 12-18.

21. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж: Истоки, 1996. – 238 с.

22. Шалаева М.В. Межкультурный диалог как инновационный фактор гуманитарного взаимодействия в современном социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 617. – С. 77-84.

23. Шачнев С.А. Межкультурная коммуникация как фактор гармонизации международного общения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2016. – № 15 (236). – С. 182-187.

24. Шачнев С.А. Профессиональная культура государственного служащего: методологические и практические аспекты совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 4. – С. 21-28.

25. Batarchuk D.S. The role of ethno-cultural knowledge in the development of multicultural students personality // icCSBs 2019 - The Annual International Conference on Cognitive - Social, and Behavioural Sciences. Conference processing. Edited by S.V. Ivanova, I.M. Elkina. – 2019. – С. 9-20.

26. Batarчук D.S., Rezunova M.V. Students' willingness for cross-cultural dialogue as a basis for constructive interaction // icCSBs 2019 - The Annual International Conference on Cognitive - Social, and Behavioural Sciences Conference processing. Edited by S.V. Ivanova, I.M. Elkina. – 2019. – С. 71-83.

27. Crystal D. English as a global language. – Cambridge University Press, 1997. – XV + 212 p.

28. Merzlyakova S.V. Sociocultural Determinants of Modern Youth's Family Self-determination // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. – № 11-1. – С. 123-135.

29. Stefanenko T.G., Kupavskaya A.S. Ethno-cultural competence as a component of competence in communication // Psychology in Russia: State of the Art. – 2010. – № 3. – С. 550-564.

30. Zharkynbekova S. On the Formation of Socio-Cultural Identity of Ethno-Lingual Processes in Kazakhstan // The European Proceedings of Social, Behavioural Sciences. – 2018. – № 58. – P. 407-415.

СПЕЦИФИКА МЕЖГРУППОВЫХ ПРОЦЕССОВ КАК АСПЕКТ АНАЛИЗА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Курачев Дмитрий Геннадьевич

кандидат психологических наук, доктор философских наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»
Брянский филиал

Kurachev D.G.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Bryansk branch

Курачева Лариса Геннадьевна

кандидат психологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика
И.Г. Петровского»

Kuracheva L.G.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University

В социальной философии под отношениями понимается определенная связь, зависимость между субъектами и группами, составляющими общество.

Общественные отношения представляют собой одну из центральных структур социума. Среди форм общественных отношений выделяются: экономические, политические, правовые, нравственные, духовные и др. В современном гражданском обществе общественные отношения чрезвычайно сложны и динамичны. «Жизненные миры», среди которых они разворачиваются, идейно разнообразны и культурно противоречивы. «Жизненные миры» сами являются активными участниками социальных процессов, лоббируя в них свои интересы, что усугубляет общественные антагонизмы, противоречия, неустойчивость в балансе сил. Учитывая групповой контекст, общественные отношения, целесообразно рассматривать как отношения между определенными общностями – классовыми, национальными, конфессиональными, гендерными, возрастными, клановыми, групповыми в широком общем смысле.

Необходимо теоретически опереться на уже раскрытые закономерности межгрупповых процессов. Существующие точки зрения можно свести к двум ракурсам видения – со стороны констатации и анализа внешнего содержания, а также со стороны субъектно-культурного восприятия и предопределения этих отношений. Для первого подхода проблема во многом сводится к изучению коммуникативной и интерактивной форм межгрупповых отношений. Для второго – к анализу их перцептивной основы.

Интерактивная сторона межгрупповых отношений

Согласно данному подходу, исходной точкой анализа межгрупповых отношений являются повседневное взаимодействие (интеракции). Оно порождает и воспроизводит социальные структуры, которые становятся одним из каркасов общественной жизни (П. Бергер, Т. Лукман, Э. Гидденс, П. Бурдьё, Г. Гарфинкель) [6].

В межгрупповом взаимодействии всегда существует опасность неопределенности. Каждая сторона, осуществляя свои интересы, может иметь различные представления по поводу конечной цели, стратегии действий и общих правил игры, возможных/невозможных уступках и т.п. Часто возникает проблема

«общего языка», взаимопонимания, поскольку стороны могут принадлежать к разным культурным мирам и социальным стратам. Сведение к минимуму множества неопределенностей есть, по сути, путь к оптимизации данного процесса. В межгрупповом взаимодействии важны регулярность и взаимные обязательства. Нарушения обязательств какой-либо из сторон неминуемо ведет к фрустрации, общей деструкции в отношениях и агрессии. Поэтому в качестве одной из центральных мер оптимизации является необходимость легитимизации данного процесса (Г. Хоманс, Т. Парсонс) [17, 18].

Теории конфликта. Представители данной теории при объяснении общественных и межгрупповых отношений исходят из естественных противоречий, исходно заложенных в данных отношениях. Антагонистический, конфликтный характер межгрупповых отношений в их классово-экономическом аспекте был, как известно, раскрыт и классиками марксизма (К. Марксом и Ф. Энгельсом). Смена исторических формаций, согласно диалектике авторов, есть, по сути история классовой борьбы. Борьба классов – движущая сила общественного развития. Борьба – природа общественных процессов. Классовая борьба может быть стихийной и осознанной. Так, экономическая борьба угнетенного класса – это борьба за справедливое распределение прибавочной стоимости, сокращение рабочего времени. Политическая борьба – это борьба за диктатуру пролетариата. Идеологическая борьба – это борьба против эксплуататорской идеологии в том или ином аспекте.

По сути, К. Маркс и Ф. Энгельс на классовом примере описывают алгоритмы любого межгруппового противоборства, а также технологии и формы их целенаправленной катализации. Во главу угла ставится принцип социальной справедливости (распределения благ). Нарушение социальной справедливости и ущемление интересов какой-либо социальной общности провоцирует общественную нестабильность и социальные конфликты. Если посмотреть на классический марксизм из ситуации, где действительно

существуют серьезные социальные расслоения и ущемляются права каких-либо групп, то такой подход оправдан. В логике политической ситуации времени создания данной социально-философской системы, когда нещадно эксплуатировался труд рабочих, она была естественным следствием социального заказа. Однако социальные и межгрупповые противоречия являются одной из природ общественного бытия. Закономерно возникает вопрос: как можно их разрешить сменой одной диктатуры на другую? Почему в данных идейных конструкциях противоречия решаются столь кардинальным способом? Это выглядит скорее неким реваншем. Диктатура пролетарских низов – эпифеномен, иллюзия! «Низы» не могут обеспечить социальную справедливость. Как известно, среди равных всегда найдутся более равные, а среди довольных, менее довольные.

Данная система в настоящий момент взята на вооружение экстремистскими группировками самого различного толка. Похожая радикальная идеология, приемы борьбы. Таким образом, в социальных конфликтах за широкой спиной профанов с автоматами, можно разглядеть тех, кто умело манипулирует актуальными общественными противоречиями. Марксизм, в его сути, слишком похож на хорошую, мировоззренчески-обоснованную идеологию социальных катаклизмов. Нарушения принципа социальной справедливости может и не быть (или быть не столь явным), но имея в арсенале такую «идеологическую машину», внушить можно все, что угодно, и как следствие получить то, что определенным кругам будет необходимо. Если заменить классовые противоречия этническими или конфессиональными (а они могут быть более сильны), то целостная логика построения данной философской системы рухнет. Однако при этом можно сконструировать новые идейные оправдания очередной социальной бойни, со старыми пружинами к действию. Ниже представленные антагонистические закономерности межгрупповых процессов хорошо иллюстрируют обширные возможности спекуляции на их основе.

Так, известный французский антрополог и теоретик «масс» Г. Лебон, рассматривая явление толпы и эффект деперсонализации в толпе, описывал межгрупповую агрессию как закономерный итог и глубинную социальную природу поведения масс и возможности манипулирования данными массами.

Социальную справедливость обеспечить нельзя. Полностью нивелировать межгрупповые антагонизмы тоже не всегда представляется возможным, но социальную стабильность поддерживать необходимо и это одна из практических задач социальной философии как дисциплины.

Л. Козер, Д.Т. Кемпбелл, М. Дойч также являются сторонниками теории конфликта [2, 3, 4]. Авторы не выстраивают идеологию общественного противостояния, а концентрируют свое внимание на деталях изучения «внутренних механизмов» межгрупповых конфликтов. Согласно авторам, межгрупповой конфликт создает угрозу, мобилизует общность защищаться и консолидироваться. Ослабление угрозы разрушает групповую солидарность.

Д.Т. Кемпбелл с соратниками сформулировали ряд принципов межгруппового конфликта.

1) Конфликт интересов групп может повлечь за собой социально проявленный в конкретных действиях межгрупповой конфликт. Чем сильнее первый, тем сильнее последний.

2) Конфликт интересов, а также наличие враждебности обуславливает восприятие угрозы отдельными представителями группы.

3) Реальная угроза обуславливает враждебность отдельных членов группы к источнику угрозы.

4) Реальная угроза обуславливает внутригрупповую интеграцию.

5) Реальная угроза обуславливает более полное осознание индивидом принадлежности к своей группе.

6) Реальная угроза увеличивает непроницаемость групповых границ, т.е. межгрупповые барьеры используются для поддержания социальной дистанции по отношению к другим.

7) Реальная угроза уменьшает отклонение индивида от групповых норм, а также увеличивает степень ответственности за нарушение последних и за изменение верности своей группе.

8) Ошибочное ожидание членами группы угрозы со стороны внешней группы также обуславливает внутригрупповую солидарность и враждебность к другим группам. Перечень постулатов можно использовать, универсально накладывая данные схемы практически на любую форму межгрупповых отношений.

Р. Лейван межгрупповые отношения в их конфликтной природе объясняет через призму не внешних, а внутригрупповых причин [2, 3, 4].. Согласно данной точке зрения, группа в процессе жизнедеятельности сталкивается с трудностями, которые порождают конфликт и напряженность в отношениях между её членами. Нужен выход для негативных переживаний и агрессии, этот выход обеспечивает проекция негатива на «чужих». Самые выраженные сторонники «своих» и ненавистники «чужих» – это наиболее ущемленные и имеющие трудности внутри собственной группы.

В целом представители теории конфликта рассматривали его как фактор, усиливающий межгрупповую дискриминацию и внутригрупповую консолидацию. Это усиление идет независимо от внутригрупповой или внегрупповой природы конфликта. Закономерно, что ослабление конфликтов внутри и вне группы имеет следствием снижение деформаций в межгрупповых интеракциях. Этот принцип одинаково применим к макро и микро социальным общностям.

Деятельностные теории. Однако не только нарушение интересов общности и конфликтные отношения провоцирует межгрупповое противоборство. В начале 50-х гг. М. Шериф установил, что деструкция в межгрупповых отношениях может быть обусловлена характером деятельности социальной общности [19, 20].

Так, экспериментально было установлено, что соревнование усиливает

межгрупповую враждебность, а совместная деятельность её уменьшает. Х. Жаму и Г. Лемэн описали неравные стартовые возможности как условия, сковывающие групповую активность, инициативу и приводящие к деструкции социальных связей внутри группы [15].

Л. Дьяб выявил, что многие факторы групповой консолидации, в частности этническая принадлежность (в своем негативном аспекте элитарной идентичности), может быть нивелированы при создании определенных условий взаимодействия [14].

В.С. Агеев рассматривал межгрупповое взаимодействие в контексте деятельностного принципа, что позволило расширить уже имеющиеся позиции и практически взглянуть на проблему; не только показать архитектонику возникновения негативных аспектов межгруппового взаимодействия, но и посредством специально заданной деятельности снять эти деформации [3, 5]. В некотором смысле В.С. Агеев подтвердил доводы Шерифа о том, что межгрупповая дифференциация не всегда приводит к взаимной дискриминации и агрессии. Это позволило практически нащупать ключ к оптимизации межгрупповых отношений, дало возможность создавать программы, нивелирующие и предотвращающие межгрупповую напряженность.

В целом анализ теорий социальных условий межгруппового противоборства раскрывает, что отношения между группами могут зависеть от разнообразного спектра сопутствующих предпосылок, определяющих эти отношения в своем конструктивном и деструктивном веере выражения. Кроме того, полученные данные простимулировали дополнительный интерес к исследованиям в области межгрупповой проблематики.

Коммуникативная сторона межгрупповых отношений

Межгрупповая коммуникация в самом общем понимании — это процесс информационного обмена между социальными общностями. Особенностью данной формы коммуникации является её специфическая опосредованность ценностями общностей и культур, к которым принадлежат субъекты [10]. Эта

опосредованность носит знаковый характер, обусловлена характерными интересами, традициями и ограничительными запретами. В данном случае субъекты являются проводниками интересов и ценностей собственных макро и микро групп.

Процессы межгрупповой коммуникации (и коммуникации вообще) в условиях современного мира осуществляются в ситуации значительного наложения на нее информационного поля массовой коммуникации, в данном случае групповой контекст может присутствовать и напротив нивелироваться. Существуют различные трактовки массовой коммуникации. Одной из отличительных её черт является то, что она представлена приматом одностороннего по отношению к аудитории канала информационной связи.

Обратная связь если и присутствует, то лишь косвенно в формах отражения в мировоззрении и действиях присвоенной информации или её отвержения. Диалог как таковой в массовой коммуникации крайне затруднителен, если не сказать невозможен. «Коммуникатор» (со всем современным арсеналом возможностей единовременного и прямого суггестивно-убеждающего воздействия на широкую аудиторию), в примате одностороннего адресного посыла необходимой ему информации, обладает мощным идеологическим, политическим, экономическим орудием. Значительные возможности массовой коммуникации делают её одним из основных средств социального контроля.

Теория коммуникативного действия. Некоторые положения теорий прослеживаются у М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса. Однако целостная концептуальная картина была выстроена Ю. Хабермасом. В отличие от Маркса, целостный анализ общественных процессов Ю. Хабермас строит не на предметно-экономическом основании, а на коммуникации, которая согласно его позиции, выступает основополагающим фактором в общественных отношениях демократического гражданского капиталистического государства.

При этом Ю. Хабермас, в отличие от родоначальников марксизма, делает

приоритетными сферами рассмотрения не социальный конфликт, а необходимость и реальную возможность широкого общественного консенсуса и конструктивного сосуществования. Автор рассматривает коммуникацию не только через содержательный и процессуальный аспект, но в духе гуманизма, модернизма и либерализма выстраивает целостную социально-философскую идеологию общественной трансформации и развития. Именно поэтому в рамках настоящей монографии данная теория нуждается в несколько более подробном рассмотрении, чем другие.

Центральным моментом в теории коммуникативного действия является высвобождение отчужденного культурными и производственными формами «жизненного мира». Это высвобождение Ю. Хабермас видит внутри нераскрытого конструктивного потенциала социальной коммуникации. В самих коммуникативных актах запакованы возможности ухода от насильственного институционально-вертикального принуждения. Новый тип общественных отношений предполагает растущую публичную рефлексивность и рациональность, именно они открывают возможность для распаковывания в осознанном действии коммуникативного потенциала, нивелирования в нем нарушений, негативных наслоений. Коммуникативное действие – это действия, исходные из реальных социальных условий. Коммуникации осуществляются на основе языковых систем intersubjectивного взаимоотношения. Имеющиеся общественные проблемы и противоречия в себе же несут возможности и пути их разрешения. Это разрешение может быть осуществлено путем рационального обсуждения и договоренности всеми гражданами. Через коммуникативные интеракции, с учетом практического интереса сторон (верные, продуманные, притязание на значимость), где стороны воспринимают друг друга в качестве «самодостаточной ценности», может быть достигнуто общественное согласие. Сам процесс договоренности есть процедура равноправного коммуникативного дискурса участников. Через адекватные выражения, аргументации интересов и демонстрацию прозрачности намерений, возможен уход от когнитивных редукций непонимания.

Ю. Хабермас подробно описывает процесс процедуры коммуникативных дискурсов в системе коммуникатор-интерпретатор; раскрывает, каким образом через обоюдное или intersубъективное восприятие событий происходит интерпретация их смыслов, символов и значений; показывает, как происходит взаимопередача/взаимопонимание «имплицитного, дотеоретического знания» (неисказенной информации).

Ю. Хабермас допускает мыслительную реконструкцию «имплицитного, дотеоретического знания» в его полном понимании без искажений. У рационально коммуницирующих субъектов – коммуникаторов/интерпретаторов возникает такое отношение к иной точки зрения, к происходящему, которое они раньше до диалога не имели. Коммуникативные действия предполагают возможность нового видения реальности, с учетом привнесенной точки зрения.

Жизненный мир у Ю. Хабермаса включает его понимание как интегрированной общности или их совокупностей, объединенных паутиной коммуникативных практик. Это понятие у автора предусматривает не только интерпретацию знаково-символического поля культуры и проявление его в жизнь (внутренняя сторона), но и поле для консенсусов и кооперативных толкований (внешняя сторона). Примечательно, что Ю. Хабермас идеологически поощряет критическое отношение к культурным традициям. Согласно автору, рациональный подход и критическая рефлексия способствует освобождению коммуникативного действия от исторически унаследованных, но изживших себя форм интеракции. Ю. Хабермас склонен отходить от понимания культуры в её детерминационной функции. Он допускает, что «открытая общественность» может подвергнуться сомнению и не оправдать старые, а выработать новые социальные нормы и жизненные ценности, исходя из гуманистических принципов свободы. Эти нормы и ценности в аспекте intersубъективной заинтересованности не навязываются, а охотно принимаются. Раскрытые свободы коммуникационных действий закрепляются в легитимизации, это и есть процесс общественной модернизации.

Ю. Хабермас хорошо понимает, что весомая часть субъектов общества не способна к критической рефлексии, и не может достичь необходимых консенсусов. Автор предлагает в качестве решения данной проблемы собственную социально-философскую парадигму, но уже не как теорию, а как идеологическую конструкцию. Эта идеология может отслеживать нарушения коммуникативных практик в обществе и при необходимости купировать их. Таким образом, с большим скепсисом относясь к культурным принуждениям, Ю. Хабермас возвращается к их необходимости в лице принуждения идеологии либеральных свобод, т.е. автор предполагает наличие вертикального социального контроля.

Перцептивная сторона межгрупповых отношений

Социально-перцептивная сторона межгрупповых отношений во многих культурно-антропологических, социально-феноменологических, структурных, социально-психологических подходах является одним из центральных данных отношений. Упор на социальное восприятие – неслучаен, поскольку человек, как воспринимает, так и относится. Современные исследования показывают, что межгрупповые отношения своей важнейшей стороной имеют процессы социального восприятия.

Теории социального сравнения. Одним из первых феномен межгруппового восприятия описал З. Фрейд [16]. Он говорил о том, что под влиянием толпы субъект актуализирует в себе инстинкты разрушения, которые в обыденных отношениях скрыты и ретушированы интериоризированными культурными регламентациями. Любое межгрупповое восприятие основывается на враждебности к другим, такое обособление выполняет функцию сплоченности и стабильности группы. Внешняя враждебность по отношению к другим и внутренняя сплоченность группы - не что иное, как две стороны одной медали. Позже фрейдовская идея взаимосвязи ингрупповой идентификации и аутгрупповой агрессии была возведена чуть ли не в ранг закона и разделялась очень многими исследователями межгрупповых

отношений: Мак-Дауголлом, Леви-Брюлем, Т. Адорно, Б.Ф. Поршневым и др. В частности, эти идеи фигурируют в рассуждениях У.Г. Самнера [21] при описании феноменов «Мы – группы», «Они – группы», производными от которых является межгрупповая враждебность и группоцентризм. Межгрупповое взаимодействие сводится к самоощущению превосходства своей группы, неприятию и агрессии к альтернативной группе с другими формами мировоззрения. «Они – группа» оценивается исключительно через призму культурных представлений «Мы – группы». Б.Ф. Поршнев при рассмотрении межгрупповой динамики весьма схоже описывал актуализацию социального чувства «Мы» – «Они». Восприятие чужих сопряжено с чувством тревоги и враждебности, поскольку «Они» не могут быть такими, как «Мы» [7, с. 213]. Примечательно, что данная бинарная оппозиция работает не только на уровне родового сознания, но и в условиях современного общества и мало того, её функционирование имеет статус устойчивой закономерности.

Теории определяющей роли вожака. Конкретизируя концепцию межгрупповой агрессии, Т. Адорно показал, что враждебные установки на другую группу связаны с набором качеств, характерных для авторитарной личности, возглавляющей группу [8]. С позиции автора, существует связь между авторитарностью и аутгрупповой враждебностью. Другими словами, каковы лидеры групп, таков же и характер взаимоотношений между группами. Э. Фромм, С. Московичи также подтверждали, что малая группа с лидером во главе, при высоком уровне ценностного единства её членов, определяет поведение большой группы и характер отношений с другими группами. Представленные подходы вскрывают природу межгрупповых отношений через неприятие и жесткое отчуждение от альтернативных сообществ, выраженное прежде всего через априори агрессивные интенции. Агрессия обратной стороной имеет консолидацию общности. На силу межгрупповой агрессии может влиять позиция.

Теория социальной идентичности. Оригинальную и перспективную точку

зрения демонстрирует основатель теории социальной идентичности Г. Тешфел [13]. В сотрудничестве с Д. Тернер он окончательно утвердил межгрупповые отношения в качестве самостоятельного объекта изучения в социальных дисциплинах. Г. Тешфел, настаивая на когнитивной подоплеке межгрупповых отношений, сформулировал нижеизложенные положения [23]. Людям свойственно характеризовать обширные социальные группы грубыми пристрастными признаками. Эта категоризация стремится оставаться стабильной в течение длительного времени. Стереотипы восприятия другой группы могут изменяться в зависимости от политических и экономических изменений, но это происходит очень медленно. Социальные стереотипы становятся более отчетливыми в ситуациях социальной напряженности между социальными общностями. Эти стереотипы усваиваются уже в раннем детстве и дети пользуются ими задолго до того, как у них сформируются отчетливые представления о культурной общности, к которой они относятся. Культурные (этнические) стереотипы не представляют большой проблемы, когда не существует явной враждебности в отношениях между группами, но их очень трудно изменять и управлять ими, когда возникает напряженность и конфликт.

Проведя серию экспериментов, Г. Тешфел выяснил, что корни межгрупповой дискриминации – в простом факте приобщенности к своей группе. Она наблюдается не только тогда, когда нет активного конфликта интересов, но и даже в том случае, когда имеет место взаимный интерес. Проявления враждебности к альтернативным группам также определяется простым фактом принадлежности к своей группе.

Г. Тешфел сделал вывод о том, что область межгрупповых отношений – это почти исключительно когнитивная сфера, включающая в себя четыре процесса: социальная категоризация, идентификация, сравнение и как следствие – (межгрупповая) дискриминация. Факт «членства» и простое установление сходства и различия между «своими» и «чужими» уже обуславливает эти процессы [22].

Г. Тешфел заложил основу целого научного направления. Дж. Тернер, продолжил разработку его идеи, предложив теорию самокатегоризации [23, 24]. Субъектами восприятия подчеркивается собственная социальная идентичность за счет установления различий и сравнения себя с представителями иной группы. Дискриминация и внутригрупповой фаворитизм являются побочными эффектами самокатегоризации. При этом на процесс социального восприятия влияет ряд факторов: настроение субъекта восприятия; степень выраженности групповой идентичности; наличие оснований для сравнения; групповая гомогенность. Вклад Г. Тешфела и его школы в разработку теории межгруппового взаимодействия трудно переоценить. Здесь мы видим первую достаточно стройную, концептуально и эмпирически верифицированную когнитивную теорию.

Открытие того, что простой факт принадлежности к группе и группового сравнения запускает механизм внутригруппового фаворитизма и дискриминации, дает возможность сместить анализ проблемы с аспекта взаимодействия на перцептивную сторону этого процесса, а именно на то, под каким углом воспринимается альтернативная группа, насколько адекватен и точен её образ.

Еще одним важнейшим достижением Г. Тешфела было то, что он, пожалуй, впервые высказал мысль о сложности и даже невозможности описания межгрупповых отношений, исходя исключительно из принципа их универсальности. Мы в полной мере разделяем этот тезис автора и считаем, что необходимо делать анализ различных аспектов межгрупповой динамики и факторов, определяющих эту динамику.

Группы «союзники» и группы «противники». В рамках анализа конкретных аспектов общественной динамики Б. Басс и Дж. Дантмен в своих экспериментах изучали отношения между так называемыми союзными группами и группами-оппонентами [9]. По сути, авторы попытались изучить социальное восприятие союзных групп и противников. Гипотетическая возможность обозначить в межгрупповом восприятии «союзников», уже сама по себе диффе-

ренцирует содержание межгрупповых отношений. Однако полученные авторами выводы скорее говорят в пользу универсальности закона межгруппового фаворитизма. Оказалось, что оценки союзных групп и групп оппонентов, хотя порой отличаются между собой, все же представлены в гораздо большем негативном контексте, чем своя собственная группа. Однако тот факт, что определенная социальная общность приобретала статус союзнической, уже сам по себе усиливал её оценочный позитив. Показательно то, что при создании определенных условий союзническая группа воспринималась даже более негативно, чем группа оппонентов. Позитив не является устойчивым в отношении к союзникам. Б. Басс и Дж. Дантмен наглядно вскрывают, насколько непостоянной и зависящей от обстоятельств может быть межгрупповая перцепция.

Групповая аффилиация, групповая открытость и межгрупповая референтность. Мы уже стали говорить об условиях и специфике, предопределяющей межгрупповые отношения. Есть смысл привести позицию, описывающую специфические установки на тот или иной типаж межгруппового общения и восприятия. Так, В.С. Агеев и А.А. Сыродеева, описывая многообразие межгруппового общения, выделили, в том числе три стороны межгруппового феномена: групповая аффилиация, групповая открытость и межгрупповая референтность [1]. Групповая аффилиация предполагает, что одна группа является составной частью другой. При поглощении большей группой меньшей по размеру, последняя начинает функционировать по её законам. Групповая открытость предполагает получение внешней информации. Уровень групповой открытости представляет своеобразный критерий соблюдения баланса процессов дифференциации и интеграции. Межгрупповая референтность представляет собой ориентацию на значимые внешне групповые нормы и ценности, как эталонные модели.

Авторы показали соответствующие типажи, в которых может развертываться межгрупповое восприятие. Конечно же, учитывать эти типажи при рассмотрении конкретной формы межгрупповых отношений крайне необходимо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агеев В.С., Сыродеева А.А. Интегративные процессы в межгрупповом взаимодействии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1987. – № 2. – С. 11-20.
2. Агеев В.С. Влияние факторов культуры на восприятие и оценку человека человеком // Вопросы философии. – 1985. – № 3. – С. 135-140.
3. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 240 с.
4. Агеев В.С. Механизмы социального восприятия // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – № 2. – С. 63-70.
5. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 144 с.
6. Василькова В.В. Междисциплинарность как когнитивная практика (на примере становления коммуникативной теории) // Коммуникация и образование. Сб. ст. / Под ред. С.И. Дудника. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 69-88.
7. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М.: «Феникс», 2005. – 232 с.
8. Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E, Levinson D.J., Sanford R.M. The authoritarian personality. – N.Y.: Harper, Row, 1950. – 432 p.
9. Bass B.M., Duntzman G. Biases in the evaluation of one's own group, its allies, and opponents // Journal of Conflict Resolution – 1963. – № 7. – P. 16-20.
10. Batachuk D.S., Rezunova M.V. Students' willingness for cross-cultural dialogue as a basis for constructive interaction // icCSBs 2019 - The Annual International Conference on Cognitive - Social, and Behavioural Sciences Conference processing. Edited by S.V. Ivanova, I.M. Elkina. – 2019. – С. 71-83.
11. Berkowitz L. Frustration, comparison and other sources of emotion arousal as contributors to social unrest // J. Soc. Issues. – 1972. – V. 28. – P. 77-91.
12. Berkowitz L. The concept of aggressive drive: Some additional considerations // Advances in experimental social psychology. – N.Y., L: Academic Press, 1965. – V. 2. – P. 301-329.
13. Billig M., Tajfel H. Social categorization and similarity in intergroup behavior // European Journal of Social Psychology – 1973. – V. 3. – P. 37-52.
14. Diab L.N. A study of intergroup and intragroup relations among experimentally produced small groups // Genetic psychology monographs. – 1970. – V. 82.
15. Famous H., Lemaine G. Competition entre groupes d'inegales ressources. – Psychologie Francaise, 1962. – V. 7. – № 3. – P. 216-221.
16. Freud S. Civilization and Its Discontents. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. – Cambridge (Mass.), London, 1985. – V. XXI. – P. 71-144.
17. Homans G. Social behavior. Its Elementary Forms. – N. Y., 1961.
18. Parsons T. The social system. – N. Y., 1951.
19. Sherif M. Group conflict and cooperation: Their social psychology. – London: Routledge, Kegan Paul, 1966. – 192 p.
20. Sherif M., Harvey V., White B., Hood W., Sherif C. Intergroup conflict and cooperation: The Robbers Cave experiment. Norman, Oklahoma: University Book Exchange, 1961. – 212 p.

21. Sumner W., Keller A. The science of society. – New Haven, 1914. – V. 1. – P. 356.

22. Tajfel H. Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. – L.: Academic Press, 1978. – 374 p.

23. Turner J.C., Tajfel H. Towards a cognitive redefinition of social group // Social identity and intergroup relations. – Cambridge: Cambridge University Press and Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1982.

24. Turner J.C., Giles H. The experimental social psychology of intergroup behavior // Intergroup behaviour. – Oxford, 1984.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕМЬЕ

Зимонина Ольга Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»
Брянский филиал

Zimonina O.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Bryansk branch

Из всех форм совместного существования «человек разумный» разумно выбрал семью. Переоценить влияние семьи на формирование личности невозможно. Особое значение семейной среды в психическом развитии ребенка подчеркивается как отечественными, так и зарубежными педагогами и психологами (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, П.И. Пидкасистый, К. Хорни, Э. Эйдемиллер и др.).

С первых дней жизни и до определенного периода, чаще всего, до момента определения ребенка в дошкольную образовательную организацию, семья – единственная социальная среда, в которой он находится. Из этого следует, что родители – единственные носители социальных отношений, которые являются опосредующим звеном в других связях жизни ребенка. Поэтому процесс принятия ценностей, транслируемых родителями для ребенка, является естественным,

он учится на том опыте, который видит, и считает этот опыт и эти ценности единственно правильными. Такое «безусловное принятие» накладывает на семью особый груз ответственности за те ценности, которые ею воспитываются.

В общении с родителями формируется потребность в общении с другими людьми, эмоциональное отношение к ним, так же стиль этого общения.

Ответственность родителей нашла отражение в ряде нормативно-правовых актах, так например, статья 44 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ гласит: «Родители ... имеют преимущественное право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами. Они обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка».

Статья 63 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ посвящена правам и обязанностям родителей по воспитанию и образованию детей. В данной статье акцентируется внимание на том, что «родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей...».

С целью понимания вопроса влияния семьи на формирование коммуникативной компетентности ребенка необходимо обратиться к определению основных дефиниций этого процесса.

До сих пор в научной литературе и в практике применения нет четкого понимания отличия двух понятий: «компетенция» и «компетентность». В зарубежной литературе происходит смешение этих понятий, это дает основание полагать, что «компетенция» и «компетентность» зарубежными авторами рассматриваются как синонимичные понятия [5, с. 295].

По мнению автора, достаточно обратиться к этимологии этих слов, чтобы четко разграничить их применение.

Как считают многие исследователи, слово «компетенция» восходит к латинскому «competentia» (соответствую, подхожу). Однако парадокс заключается в том, что если обратиться к онлайн переводчику с русского языка на латынь, то при переводе слова «компетенция» он, помимо упомянутого выше,

выдает понятие «jurisdictio» (юрисдикция). И здесь все встает на свои места. Компетенция – узаконенный круг вопросов, полномочий, прав.

Компетентность – понятие производное от «компетентный», от латинского «competenti» (способный, знающий).

Возможны 2 варианта употребления этих понятий в практике:

«Я не компетентен в этом вопросе, обратитесь к Ивану Ивановичу».

«Я не могу Вам помочь, это вне моей компетенции, обратитесь к Ивану Ивановичу».

В первом случае Иван Иванович обладает знанием и опытом решения какого-либо вопроса, а во втором наделен полномочиями решать такого рода вопросы.

Такими образом, компетентность – это потенциальная готовность решать задачи со знанием дела. Человека характеризует то, что он обладает всесторонними знаниями в какой-либо области, и его мнение, поэтому вопросу является веским и авторитетным. Компетентность включает в себя содержательный (знание) и процессуальный (умение) компоненты. Однако некорректно отождествлять компетентность с совокупностью знаний, умений и навыков. Мы согласны с мнением Ю.С. Костровой в том, что компетентность неразрывно связана с этими понятиями, но является более широкой дефиницией. В отличие от знания компетентность предполагает не просто владение информацией, а возможность ее применения в деятельности. Применение к решению задач различного рода отличает компетентность от умений. Возможность однозначно действовать в различных ситуациях, в том числе нестандартного характера, показывает отличие компетентности от навыков [6, с. 102-104].

С точки зрения автора настоящего исследования, компетенция и компетентность неразрывно связаны между собой, и в этом контексте можно согласиться с мнением отечественного социолога В.Г. Зарубина, который определяет компетентность, как личностно-интегрированный результат, обеспечивающий готовность личности действовать в сфере своей компетенции, и как показатель

того хорошо или плохо выполнена задача. Таким образом, компетенция – круг обязанностей, в которых человек проявляет свою компетентность [4, с. 198].

Далее обратимся к научному понятию «коммуникация», использование которого начинается с античности в области двух дисциплин — логики и лингвистики.

Как и два предыдущих понятия дефиниция «коммуникация» имеет латинское происхождение: «communicatio» восходит к понятию «communis» (общий – делать общим, связываться, общаться).

В русском языке слово «коммуникация» появляется в начале XVIII века, заимствование происходит с французского языка. Первое издание Толкового словаря В.И. Даля трактует его так: «Комуника́ція – ж. франц. сообщенье, пути, доро́ги, средства связи мѣсть» [2, с. 759].

Как видим, слово писалось с одной буквой «м» и трактовалось только как связь одного места с другим. Именно в этом смысле Н.В. Гоголь в сочинении «Невский проспект», вошедший в сборник «Арабески», писал: «Невский проспект есть всеобщая комуникация Петербурга» [1].

В настоящее время понятие «коммуникация» в русском языке употребляется в двух базовых значениях:

- путь сообщения, связь одного места с другим;
- общение, передача информации.

Но категории «общение» и «коммуникация» не тождественны друг другу, они имеют как общие, так и отличительные свойства. К общим свойствам можно отнести их неразрывную связь с процессом обмена (передачи) информации и с языком – носителем этой информации. Отличает эти два понятия структура каждой из них, где науки, их изучающие, наполняют каждую своим содержанием.

В 1965 году американский лингвист Наом Хомский впервые применяет понятие компетентности в теории языка. На основании его идей появляется новое понятие «коммуникативная компетентность».

Соединив два понятия «компетентность» и «коммуникация», мы понима-

ем коммуникативную компетентность как потенциальную готовность и способность личности выстраивать коммуникативный процесс и управлять им (определение дано автором).

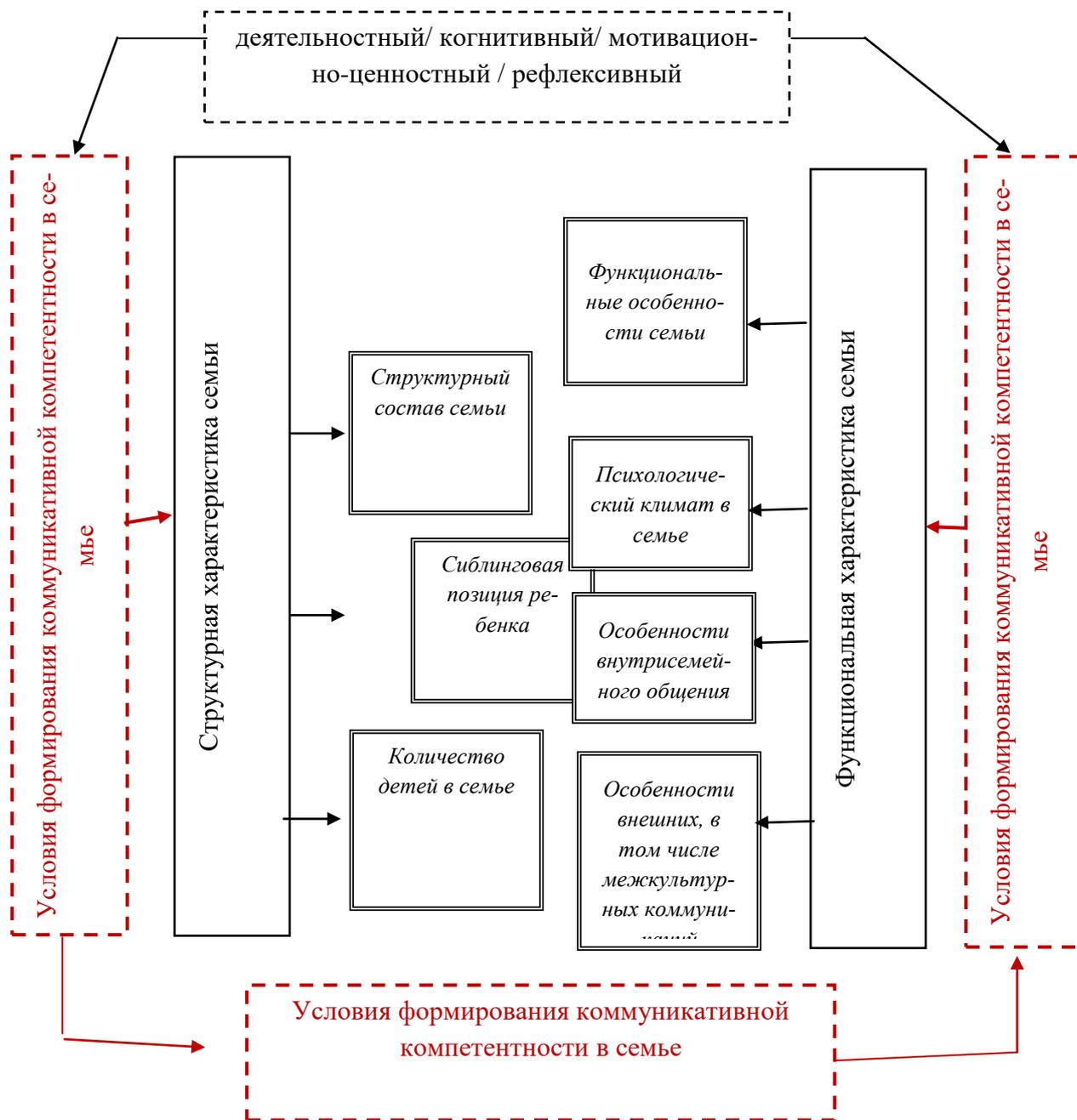

Рисунок 1. Модель формирования коммуникативной компетентности в семье (разработано автором)

На рисунке 1 аккумулированы компоненты и условия формирования коммуникативной компетентности ребенка в семье. В данной модели наглядно

представлены взаимосвязи и взаимозависимости формирования данной компетентности в семейной системе.

Представляется необходимым начать обоснование модели с компонентов, которые являются как компонентами формирования, так и применения формирования коммуникативной компетентности.

Коммуникативная компетентность как формируется, так и реализуется через деятельность личности, поэтому наличие деятельностного компонента в ее структуре – это своего рода аксиома, не требующая доказательства.

Организация и поддержание коммуникативного процесса невозможно без определенных знаний:

- о языковых нормах;
- о том, как использовать язык для выстраивания коммуникации;
- о способах взаимодействия с окружающими;
- о социальных ролях при выстраивании взаимодействия;
- о личностных качествах, помогающих, либо препятствующих коммуникативному процессу и т.д.

Все вышесказанное говорит о целесообразности включения когнитивного компонента в структуру коммуникативной компетентности.

Человек – существо социальное, мы живем и развиваемся в социуме, хотя сама потребность в общении не является врожденной, она приобретает ребенка в процессе взаимодействия со взрослым в первые месяцы жизни. Такой вывод можно сделать на основании многочисленных исследований, проведенных учеными с детьми, находящимися в условиях госпитализма.

Так, например, М.Ю. Кистяковская в своих наблюдениях отмечает, что дети, находящиеся с момента рождения в условиях госпитализма, не проявляют потребности в общении и по истечении двух-трех жизни, хотя при нормальном развитии ребенка такая потребность возникает к 2 месяцам [8]. Младенец, не умеющий пока с помощью языка попросить о внимании, выражает потребность в общении доступными ему сигналами – плачем, тем самым он просит взросло-

го о контакте с ним. Такая потребность и, самое главное, удовлетворение ее взрослым определяет дальнейшее психическое развитие ребенка в области коммуникации.

В реализации потребности личности, еще развивающейся, если мы говорим о ребенке, в коммуникации закладываются определенные ценностные установки такие как: получать и давать эмоциональную поддержку; отношение к себе и партнеру по общению; умение слушать и слышать собеседника; уважать мнение другого и аргументированно доказывать свое мнение и т.д.

В этой связи можно говорить о наличии такого компонента в коммуникативной компетентности, как мотивационно-ценностный компонент [7].

В процессе любого общения мы получаем опыт взаимодействия, и развиваем коммуникативные умения. Иногда, уже после, процесса общения мы мысленно прокручиваем его снова и снова, пытаюсь понять в какой момент нам не удалось убедить собеседника, где и почему в процессе коммуникации наши аргументы не нашли понимания и поддержки со стороны партнера по общению. Это рефлексивный процесс, в котором личность учится занимать наблюдательную позицию, понимать и оценивать участников коммуникативного процесса, в том числе и самого себя (видеть себя со стороны). Рефлексия не должна сводиться к самобичеванию, она подразумевает активный поиск проблем и их решения в будущих коммуникациях. Рефлексия дает нам бесценный опыт осознания, например, понимания затруднений, возникающих у нас в коммуникативном процессе, формирование критического отношения к деструктивным средствам общения, мысленное проигрывание и моделирование новой конструктивной коммуникации.

Это говорит о целесообразности включения рефлексивного компонента в структуру коммуникативной компетентности.

Разделение коммуникативной компетентности на компоненты следует считать условным, так как они взаимовлияют и взаимодополняют друга с друга.

Каждая семья уникальна по своей самобытности. И каждая семья создает

тот неповторимый микромир, в котором действуют присущие только ей принципы и ценности. К условиям формирования коммуникативной компетентности ребенка в семье мы относим тот набор особых характеристик, которые отличают одну семью от другой. Условно эти характеристики можно разделить на две большие группы: структурная характеристика и функциональная.

Разберем подробно каждую из них, и влияние каждой на формирование коммуникативной компетентности ребенка. В состав структурной характеристики семьи мы включили структурный состав семьи, сиблинговую позицию ребенка в семье и количество детей в семье.

Структурный состав семьи определяется количеством поколений, входящих в семью и наличием родителей.

Чем более богата семья по количеству поколений в нее входящий, тем более богат и насыщен мир ребенка, в котором он делает первые шаги в коммуникативном процессе. В современном мире все чаще распространяется двухпоколенная семья – дети плюс родители, что весьма отличает современную семью от семьи даже прошлого века, где не редкость была четырех-пятипоколенная семья, в которую входили бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки, а так же тети и дяди с их детьми. Такая большая русская семья жила под одной крышей и вела совместное хозяйство. Не вызывает сомнения какой богатый опыт коммуникации получал ребенок в такой семье. Из рассказов старших дети окунались в историю семьи, перенимали традиции и обряды, слушали сказки и былины...

В традиционной русской патриархальной семье отец имел непререкаемый авторитет и власть над остальными членами, входящими в состав семьи. Но каждый знал, что находится под защитой главы семьи. В таких семьях образовывались молодые семьи, рождались дети, которые воспитывались более старшим поколением семьи — бабушками, дедушками, которые в свою очередь, по прошествии времени, опекались подросшими внуками. Каждый знал свой социальный статус в семье, и принимал традиции семьи. Традиционную русскую семью отличает то, что воспитание детей было семейным.

Современные молодые семьи пытаются отделиться от родительской семьи с первых дней существования их собственной, а такой процесс пространственного удаления от бабушек и дедушек неизбежно уменьшает активную позицию старшего поколения в воспитании их детей.

Сиблинговая позиция ребенка в семье сказывается на его развитии, это подтверждается многочисленными исследованиями в этой области. В числе первых исследователей сиблинговой позиции ребенка (от англ. Sibling – родной брат, сестра) можно назвать таких выдающихся ученых как Френсис Гальтон (исследование 1874 года. На примере членов Британского Королевского научного общества показал, как непропорционально велико среди них количество первенцев – 99 человек из 180); Альберт Эллис (исследование 1904 года. Сделал анализ биографий 1030 человек, пришел к выводу о том, что первенцы достигают больших успехов, чаще становятся знаменитостями); Стэнли Шехтер (исследование 1963 года). Собрал данные о 855 знаменитых ученых – порядок рождения, количество сиблингов. В своем исследовании пришел к заключению, что более 40 % были единственными, или первыми детьми в семьях). Особый вклад в исследование особенностей развития сиблингов внес Альфред Адлер. На основании своих исследований А. Адлер утверждал, что несмотря на то, что дети живут в одной семье, и воспитываются одними и теми же родителями, социальная ситуация их развития различна, поскольку вторые и последующие дети попадают в иную психологическую ситуацию воспитания в семье по сравнению с первым ребенком. Но здесь важно отметить, что ученый, подчеркивая важность сиблинговой позиции ребенка, говорит о том, что порядок рождения – это не единственный решающий фактор, стиль родительского поведения так же имеет существенное значение в развитии ребенка.

Проведя исследование, мы можем утверждать, что сиблинговая позиция ребенка в семье имеет значение в развитии коммуникативной компетентности. Так как первенец получает максимум внимания со стороны ближайших родственников, и 200 % родительского внимания, то изначально он усваивает «взрослый» язык, и предпочитает компании сверстников компании взрослых.

Достаточно тесно с сиблинговой позицией ребенка в семье связан такой компонент структурной характеристики семьи как количество детей в семье.

В России на сегодняшний день семьи, как правило, малодетные (1-2 ребенка в семье). По статистическим данным, трех детей имеют только 6 % семей, а более 4-х детей всего 1 %. Результаты исследований подтверждают, что единственные дети в семье обладают высоким интеллектом, стремлением к самосовершенствованию, более высоким уровнем самооценки. Но обратной стороной медали является то, что единственный ребенок, как правило, более подвержен гиперопеке со стороны родителей, он не делил своего центрального положения в семье с братом, или сестрой, и, как следствие, у него чаще, чем у вторых и последующих сиблингов наблюдаются трудности в коммуникации со сверстниками.

Дети из многодетных семей наряду с проблемами (материальные и жилищные затруднения, подверженность асоциальному поведению и т.д.) имеют ряд преимуществ в коммуникативном плане – опыт повседневного общения с братьями и сестрами, что, несомненно, сказывается на развитии у них коммуникативной компетентности (умение отстаивать свою точку зрения, доносить информацию до проponenta или оппонента в коммуникативном процессе).

Исследования XX века, посвященные влиянию сиблинговой позиции ребенка и количеству детей в семье на развитие личности ребенка, по утверждению М.Н. Зыряновой, подтверждают факт влияния порядка рождения и количества детей в семье на развитие коммуникативной компетентности, но выдвигают на первый план значение функциональных характеристик семьи, таких как: психологический климат в семье и особенности внутрисемейного общения [3].

С точки зрения функциональности семьи можно условно разделить на функциональные и дисфункциональные. Функциональные семьи характеризует то, что в них каждый член семьи получает то, что ему нужно для полноценного существования и развития, т.е. семья выполняет все функции, возложенные на нее обществом.

К основным функциям семьи можно отнести:

- воспитательную функцию, в которой обеспечивается социализация детей, и реализуется потребность в материнстве и отцовстве;
- эмоциональную функцию, как основу для поддержания и сохранения психического здоровья членов семьи;
- функцию общения (культурного, духовного, нравственного), главной задачей которой удовлетворение потребности личности в общении;
- функцию первичного социального контроля, в которой прививаются социальные нормы, так как в силу возрастных особенностей ребенок не всегда может правильно строить свое поведение.

Следует отметить, что перечисленные выше функции человек может реализовать вне семьи, но главная особенность этого социального института заключается в том, что правильно функционирующая семья (функциональная семья) все функции может реализовать комплексно, а значит оптимально.

Дисфункциональные семьи отличает закрытость семейной системы, потребности членов семьи не реализуются, или реализуются частично, что приводит к нарушениям в развитии и самореализации.

Так, например, причиной нарушения воспитательной функции семьи может стать отсутствие у родителей знаний в области педагогики и психологии, а реализация этой функции в таких семьях основана на собственном опыте, где воспитание строится по «образу и подобию», опираясь на те принципы, которыми руководствовались их родители. Зачастую не соглашаясь с ними в применении таких принципов воспитания, но, не имея другого опыта, и не желая получить новые знания, следующее поколение родителей продолжает совершать те же ошибки в воспитании собственных детей, какие были совершены их родителями. Причиной нарушения функции общения может послужить факт разного уровня образования, социального статуса родителей, различия в ценностных ориентациях, или низкий уровень коммуникативной компетентности.

С целью оценки влияния психологического климата в семье на развитие

коммуникативной компетентности ребенка нами было проведено исследование в школах города Брянска. В исследовании приняло участие 1080 респондентов, 50 % составили дети в возрасте от 8 до 17 лет (учащиеся со 2 по 11 класс), 50 % родители. Исследование включало 2 этапа: 1 этап был направлен на выяснение уровня коммуникативной компетентности детей школьного возраста. На данном этапе нами были применены следующие методики: методика диагностики оценки самоконтроля в общении М. Снайдера (для детей); на 2 этапе исследования был применен авторский опросник для детей и родителей с целью выяснения психологического климата в семьях.

Анализ исследования позволил выделить семейные проблемы, связанные с некомпетентностью родителей. Итак, к чему приводит педагогическая некомпетентность родителей:

1. К снижению авторитета родителей. Одним из пунктов анкеты для детей был вопрос: «Советуешься ли ты с родителями по личным вопросам, говоришь ли ты с ними «по душам»?» (58 % не прибегают к помощи родителей). Современные дети предпочитают решать свои проблемы с друзьями, или с незнакомыми людьми в социальных сетях.

2. Нежеланию общения детей с родителями (80 % детей предпочитают проводить время вне дома или в интернете).

3. Неэффективным методам взаимодействия родителей с детьми (93 % родителей применяют метод наказания в качестве воспитательного воздействия), аргументируя это тем, что если бы их не наказывали, то «хороших людей бы из них не получилось», и они, в результате, так и воспитывают своих детей – воспроизводя семейные традиции собственной родительской семьи. Вопрос: «Какие методы наказания применяют по отношению к тебе родители?» был адресован детям. Анализ данных показывает разнообразие методов наказания применяемых современными родителями: от, на первый взгляд, безобидных (лишение компьютера, карманных денег) до различных физических и моральных оскорблений по отношению к детям, несмотря на то, что они запреще-

ны конвенцией о правах ребенка. На взгляд автора такая коммуникация с собственными детьми является эмоциональным проявлением бессилия взрослого человека. Опыт великих педагогов-практиков (А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, Ш.А. Амонашвили и многие другие) доказывает – наказание самый неэффективный метод воспитания, так как разрушает крепкий нравственный стержень личности – ее достоинство.

4. Неавторитетности модели родительской семьи (62 % детей не хотят, чтобы их будущая семья была похожа на родительскую).

«Все мы родом из детства», считал один из самых удивительных людей – летчик, мечтатель, писатель Антуан де Сент-Экзюпери. Поэтому хотим мы этого или не хотим мы усваиваем нормы поведения и взаимоотношений, которые были приняты в нашей родительской семье, считая их эталоном. Дети воспитываются на примерах, которые видят в семье и обществе. Можно читать нотации, давать указания как правильно поступать, что нужно делать, но видя другую модель, они усваивают именно ее. В итоге через определенный промежуток времени мы будем иметь те же модели поведения, которые повторяют родительскую семью, то есть: наказание, проведение досуга отдельно от детей, разрозненность интересов, непонимание.

Несмотря на все вышесказанное, 82% родителей утверждают, что в их семье нет проблем с воспитанием ребенка.

Как неоднократно упоминалось ранее, общение в семье имеет ключевое значение. Именно межличностное семейное общение определяет эффективность развития коммуникативной компетентности ребенка. Как показало наше исследование, до подросткового возраста являются главными коммуникаторами для ребенка, и именно к ним ребенок обращается с проблемами и трудностями. Но, даже после смены лидерских позиций, и ухода родителей на второй план в коммуникациях, в функциональных семьях остается значимость мнения родителей, и потребность в общении с ними.

Семейный информационный процесс неоднороден по сути, каждая семья

имеет свой «словарь семейного общения», включающий шутки, прозвища, согласованный язык невербальной коммуникации, семейные тайны и т.д.

Формирование внутрисемейной коммуникации начинается с первых дней рождения молодой семьи, где устанавливаются правила взаимоотношений между супругами. С течением времени коммуникация усложняется, обрастает новыми нюансами, и как следствие, формирует коммуникативный облик личности появляющихся в семье детей. При раннем негативном жизненном опыте у ребенка не происходит ассимиляции социальных норм общества в структуру личности, с одной стороны, а с другой, не наблюдается аккомодации внутреннего мира к культурным моделям социума, что приводит к образованию различных комплексов в коммуникативном процессе [12, 15].

Любая семья имеет как внутренние, так и внешние границы в коммуникативном процессе. Внутренняя коммуникация ограничивается членами семьи, а внешняя выходит за границы семейного взаимодействия.

Внешняя семейная коммуникация строится на основе взаимодействия семьи с социумом: друзья, коллеги, знакомые, соседи. Степень открытости семьи социуму должна выдерживать «золотую середину», поскольку полная открытость превращает семью в «проходной двор», где семья теряет целостность и идентичность, а при закрытых границах семьи у ребенка возникает страх перед социумом, боязнь контакта с «чужими». При диффузных внутренних границах семьи наблюдается, как правило, эмоциональное единство в семье, чувство защищенности, передача семейных ценностей и традиций. Но размывание, диффузия внешней границы может привести к вмешательству извне в проблемы и внутрисемейные взаимоотношения.

По сути, семья должна быть стабильна во внешнем и внутреннем взаимодействии с целью обеспечения постоянства, и достаточно гибка для быстрой ориентации во внутренних и внешних изменениях одновременно.

Проблемой межкультурных коммуникаций занимаются такие науки как философия, филология, психология, культурология и другие. Можно согла-

ситься с И.Н. Хохловой в том, что межкультурная коммуникация – это адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащим к разным национальным культурам [10, с. 98-101].

Однако, внутренняя диффузия, сплоченность семьи в некоторых обстоятельствах приводит к дисбалансу во внешней межкультурной коммуникации. Так, например, семья, оказавшись по различным обстоятельствам в чуждом для нее окружении, может активно сопротивляться ассимиляции в новом обществе. Пытаясь сохранить прежний уклад жизни и семейные традиции, ограничивает до минимума общение детей с представителями этой среды [11, 13].

В характеристике роли семьи в развитии коммуникативной компетентности в условиях межкультурной коммуникации следует затронуть вопрос и о межнациональных семейных союзах. Статистика межнациональных браков в России показывает, что среди русского населения процент межэтнических семей выше, чем у других народов. Популярными остаются союзы между американцами и русскими женщинами [9]. Межнациональные браки в России за последние три года составляют в среднем 58%, больший процент таких браков заключаются на Кипре – 75%, самый маленький показатель имеет Япония – 5% смешанных браков.

Межнациональные союзы имеют как свои положительные, так и отрицательные моменты. К положительным сторонам таких союзов можно отнести сближение национальных культур, воспитание терпимости и понимания других обычаев и религий [14]. Проблемы в смешанных браках возникают, в основном, из-за несоответствия культур, что влечет разногласия в повседневной жизни, воспитании детей, исполнении религиозных обрядов.

Исходя из вышесказанного, и не претендуя на полное раскрытие вопроса о роли семьи в формировании коммуникативной компетентности в области межкультурной коммуникации можно сделать следующие выводы:

1. Потребность в коммуникации не является врожденной, она формируется, начиная с первых дней жизни ребенка, с одной стороны. С другой, можно

говорить о том, что коммуникация, как общечеловеческая ценность оказывается сильнейшим мотиватором для того, чтобы люди объединялись в различные малые группы, создавали семьи.

2. Коммуникативная компетентность – это потенциальная готовность и способность личности выстраивать коммуникативный процесс, и управлять им. Начало формирования коммуникативной компетентности закладывается в семье, а уровень ее развития определяется, в итоге, множеством условий, в которые попадает ребенок. К условиям формирования коммуникативной компетентности можно отнести структурную и функциональную характеристику семьи, а к компонентам ее формирования деятельностный, когнитивный, мотивационно-ценностный и рефлексивный.

3. Формирование коммуникативной компетентности ребенка начинается в семье, и определяется особенностями ее внешних и внутренних коммуникаций. Внутренние коммуникации семьи включают общение между ее членами, внешний круг коммуникаций определяется общением семьи с социумом. Именно внешний круг коммуникаций определяет уровень сформированности коммуникативной компетентности ребенка. Особенностью межнациональных семей является межкультурная семейная коммуникация, которой присущи все признаки монокультурной семьи, с одной стороны, а с другой — выстраивание особых семейных ценностей на основе национальных традиций каждого из родителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. Части 1-2. Санкт-Петербург, типография вдовы Плюшар с сыном, 1835. Цензурное разрешение сборника – 10 ноября 1834 года. – Ч. 1. – 287 с. – Ч. 2. – 276 с.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (в 4-х томах). – С.-Петербург – Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. – 1865. – С. 759.

3. Зырянова Н.М. Ранние сиблинговые исследования // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2008. – № 2 (2). // <http://psystudy.ru> (Дата обращения: 10.05.2020).

4. Комарова А.В. Понятия «компетентность» и «компетенция» как смыслообра-

зующие единицы компетентностного подхода // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – № 123. // <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-kompetentnost-i-kompetentsiya-kak-smysloobrazuyuschie-edinitsy-kompetentnostnogo-podhoda> (Дата обращения: 10.05.2020).

5. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов: [более 4500 слов и выражений]. — М.: Эксмо, 2006. — 669 с.

6. Кострова Ю.С. Генезис понятий «компетенция» и «компетентность» // Молодой ученый. – 2011. – № 12. – Т. 2. – С. 102-104. // <https://moluch.ru/archive/35/4011/> (Дата обращения: 10.05.2020).

7. Овчинникова О.А., Резунова М.В. Иноязычная коммуникативная компетенция как основа успешной профессиональной деятельности // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам. Сборник научных статей по итогам VII Международной научно-практической конференции / Под редакцией В.С. Артемовой, Н.А. Сальниковой, Е.А. Цыганковой. Брянск: БГИТУ, 2019. С. 257-261.

8. Потребность в общении у младенцев // Психологос. Энциклопедия практической психологии. // <https://www.psychologos.ru/articles/view/potrebnost-v-obschenii-u-mladencev> (Дата обращения: 10.05.2020).

9. Статистика браков. // <https://vawilon.ru/statistika-brakov/> (Дата обращения: 10.05.2020).

10. Хохлова И.Н. Межкультурная коммуникация. Понятие, уровни, стратегии // Актуальные проблемы филологии: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 98-101. // <https://moluch.ru/conf/phil/archive/28/2623/> (Дата обращения: 10.05.2020).

11. Шачнев С.А. Межкультурная коммуникация как фактор гармонизации международного общения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2016. – № 15 (236). – С. 182-187.

12. Шачнев С.А. Человек в культуре: факторы духовной трансформации // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: коллективная монография / под. общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2019. – С. 10-17.

13. Шачнев С.А. Человеческое измерение культуры как критерий укрепления российской государственности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 28-33.

14. Batachuk D.S. The role of ethno-cultural knowledge in the development of multicultural students personality // icCSBs 2019 - The Annual International Conference on Cognitive - Social, and Behavioural Sciences. Conference processing. Edited by S.V. Ivanova, I.M. Elkina. – 2019. – С. 9-20.

15. Batachuk D.S., Rezunova M.V. Students' willingness for cross-cultural dialogue as a basis for constructive interaction // icCSBs 2019 - The Annual International Conference on Cognitive - Social, and Behavioural Sciences Conference processing. Edited by S.V. Ivanova, I.M. Elkina. – 2019. – С. 71-83.

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Медведева Светлана Александровна
кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Брянский государственный аграрный университет»

Medvedeva S.A.
Bryansk State Agrarian University

Голуб Лариса Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Брянский государственный аграрный университет»

Golub L.N.
Bryansk State Agrarian University

В сознании человека в одно и то же время существует множество ценностей. В процессе освоения ценностей окружающего мира люди опираются на закрепившиеся в культуре обычаи, традиции, нормы, постепенно формируя систему главенствующих и общепризнанных ценностей, служащих руководством в жизни. Исходя из этого, в каждой культуре складывается неповторимая система ценностей, отображающая ее самобытное положение в мире. Система ценностей, как правило, является иерархией, в которой ценности располагаются по нарастающей значимости. Наличие этой системы делает возможным сохранение цельности культуры, ее уникального облика [6].

На наш взгляд, совершенно справедливо утверждение Т.Г. Грушевицкой, В.Д. Попкова, А.П. Садохина о том, что представители различных культур понимают одни и те же ценности по-разному, что выясняется в процессе межкультурных контактов. Однако, существуют универсальные или общечеловеческие ценности, совпадающие как по характеру оценок, так и по своему содержанию. Их всеохватывающий характер можно объяснить биологической природой человека, а также всеобщими свойствами социальной интеракции.

Именно культура выявляет первостепенное значение для человека тех или иных ценностей, обозначает их влияние, либо отсутствие значимости. Их структура и важность определяют самобытность и специфику культуры. Многие характерные черты своей культуры в большинстве случаев не осознаются и воспринимаются как бесспорные. Осмысление ценностей собственной культуры приходит именно при контактах с представителями иных культур, когда осуществляется взаимодействие различных культур и выявляется разница в их аксиологических ориентациях. Собственно, в эти моменты и проявляются ситуации недопонимания, замешательства, беспомощности и досады, которые могут вызвать чувство огорчения, раздражения и пр.

Умение внятно донести до собеседника свои мысли, воспринять и понять его точку зрения, превратить непримиримого оппонента в сознательного сторонника, подстраивать коммуникационный стиль к индивидуальным особенностям собеседника, одинаково эффективно общаться с руководителями, коллегами и подчиненными, все это – навыки, абсолютно необходимые для успешной карьеры в бизнесе [16].

Сложно не согласиться с высказыванием С.В. Катрич и Ю.С. Катрич: будучи ежедневными участниками коммуникаций, лишь немногие люди могут их осуществлять достаточно согласованно [10]. Нельзя недооценивать значимость коммуникаций в управлении. Практически вся деятельность руководителей, связанная с облегчением организации достижения ее целей, имеет дело с эффективным обменом информацией. Для того чтобы определять цели и добиваться их, людям, работающим вместе, необходимо общаться. Тем не менее, коммуникации представляют собой сложный процесс, который состоит из взаимозависимых этапов, необходимых для того, чтобы донести наши соображения до собеседника [1]. Нужно понимать, что именно надлежит предпринять, чтобы обмен информацией между руководителями и за пределами их окружения стал максимально эффективным.

По данным статистики [18, с.8], на коммуникации расходуется 50-90%

времени менеджера. Не беря в расчет управленческие функции планирования, организации, мотивации и контроля, примем к сведению, что руководитель делает это для реализации своей роли в межличностных отношениях, обмене информацией, процессах принятия решений, Благодаря тому, что обмен информацией имеет отношение ко всем основным видам управленческой деятельности, коммуникации представляют собой связующий процесс. Следовательно, для успешной управленческой деятельности необходимы эффективные коммуникации.

Обратившись к другим статистическим исследованиям, мы находим информацию о том, что 73, 63 и 86 % американских, английских и японских менеджеров, соответственно, полагают, что неэффективные коммуникации являются основным препятствием на пути достижения эффективности их организациями. Согласно еще одному опросу, для около 250 тыс. работников из 2000 различных компаний, обмен информацией является одной из самых трудных проблем в организациях. Поэтому, можно выделить в качестве одной из самых главных проблем – неэффективное общение.

Только знание особенностей ценностных ориентаций партнера по коммуникации способствует исключению ситуаций непонимания и получению положительных итогов в межкультурных контактах. Оно также помогает предвосхитить поведение собеседника, его устремления, желания, цели. Это знание сможет гарантировать успех в общении даже с малознакомыми людьми.

Осознавая коммуникации на уровне личности и организации, руководитель может уменьшать частоту случаев нерезультативных коммуникаций. Вывод – эффективно работающие менеджеры умеют грамотно и продуктивно общаться. Понимая сущность коммуникационного процесса, они обладают хорошими навыками устного и письменного общения и видят, как среда может оказывать влияние на обмен информацией.

Помимо этого, зачастую, транслируемое сообщение понимается ошибочно и, как следствие, обмен информацией является неэффективным. Джон Майнер, известный исследователь в сфере менеджмента, подчеркивает, что, в ос-

новном, только половина попыток обмена информацией ведет к обоюдному согласию коммуникантов [10].

По мнению отечественных ученых (Г.М. Андреева, А.В. Петровский, Е.Л. Драчева, Л.И. Юликов и др.), общение имеет три стороны проявления: коммуникативную, интерактивную и перцептивную [8].

Коммуникативная сущность общения проявляется через действия личности, специально направленные на их смысловое восприятие иными людьми.

Рассматривая интеракцию как взаимодействие, поясним, что интерактивный аспект общения – не что иное, как взаимодействие людей друг с другом в процессе межличностных отношений.

Перцептивный характер общения обнаруживается в процессе восприятия и оценки человеком социальных объектов. Подобными социальными объектами могут выступать другие люди, сами общающиеся, группы, другие социальные общности.

Представляют интерес исследования московских психологов [5], посвященные психологической культуре руководителей. Они показывают, что лица, имеющие не очень высокий уровень развития коммуникативных навыков, и испытывающие, поэтому серьезные сложности в реализации своих управленческих задач, склонны иметь более высокий уровень тревожности, напряженности, а также повышенную склонность к сердечно-сосудистым заболеваниям. Проанализировав данные исследования, Н.В. Гусева [7] заключает, что отсутствие психологической компетентности менеджера приводит не только к снижению результативности его деятельности, но и к трудностям в общении с подчиненными.

Таким образом, чтобы эффективно реализовывать свои функции, менеджерам необходимо владеть наукой и искусством общения, им нужно знание главных законов и механизмов данного процесса, его структуры и форм, им надо умело оперировать определенными приемами результативного взаимодействия, а также иметь хорошо развитые коммуникативные способности.

Именно эти способности менеджера будут определять его коммуникативное поведение, направленное на осуществление делового общения. Имея высоко развитые коммуникативные способности, управленец в состоянии оказывать влияние на своих сотрудников. Иначе говоря, организаторские и коммуникативные способности определяют специфику межличностных отношений. Не имея их, невозможно привлечь людей, организовать и скорректировать работу группы, коллектива.

Взаимосвязям между эффективностью руководства и уровнем коммуникации посвящен ряд исследований. По итогам этих исследований устанавливается зависимость между успешностью менеджера и комплексом его личностных качеств. Так, Р. Стогдилл в своих работах утверждает, что эффективный менеджмент зависит от степени ответственности руководителя, его образованности, а также его участия в общественной жизни. По мнению Г. Кунца и С. О'Доннела, эффективному менеджеру необходимо обладать выраженными интеллектуальными способностями, склонностью к логике, иметь желание руководить, быть коммуникабельным.

А.Д. Карнышев [4], отмечая качества личности успешного менеджера, берет за основу функции управленческой деятельности. Причем, помимо целеполагания, организации и координирования, контроля и оценки, огромную значимость придает обеспечению оптимальных контактов в процессе управления.

Множество исследований, затрагивающих вопросы взаимодействия культур, говорят о том, что содержание и результаты разнообразных межкультурных контактов в большой степени обусловлены способностями их участников понимать друг друга, умением достигать согласия, определяемого этнической культурой каждой из взаимодействующих сторон, психологией народов, преобладающими в культуре ценностями.

В последнее время наблюдается огромный интерес к проблемам межкультурной коммуникации. Хотелось бы подчеркнуть, что у истоков межкультурной коммуникации стояли представители различных областей знаний: линг-

вистики, психологии, антропологии, этнологии, социологии, фольклористики и т.д. Тем основополагающим междисциплинарным характером, который имеет межкультурная коммуникация, она обязана именно этим научным отраслям. Поэтому значение межкультурной коммуникации распространяется на всю область гуманитарного, междисциплинарного знания, а не только на более узкую сферу иностранных языков.

Именно классическое понимание культуры было использовано первоначально при описании межкультурной коммуникации. Национальная или этническая культура понималась как относительно стабильная система более или менее осознанных ценностей, структур, правил, норм, артефактов.

В настоящее время зачастую преобладает динамическая концепция культуры как поведения и образа жизни, ценностей, норм и пр. определенной социальной группы. Это может быть организационная культура, культура поколений, городская культура и т.п. Динамическое понимание культуры не подразумевает четкой стабильности культурной системы, в зависимости от социальной ситуации она определенным образом может трансформироваться.

Необходимо отметить, что, находясь в стадии формирования, межкультурная коммуникация характеризуется двумя особенностями: междисциплинарностью и прикладным направлением, имея своей целью упрощение общения между людьми, представляющими различные культуры, и, как результат - снижение конфликтного потенциала.

Одним из актуальных остается вопрос о дефиниции межкультурной коммуникации. С.Л. Мишланова и Т.М. Пермякова в обзоре, посвященном данной проблеме, вынуждены констатировать, что, несмотря на огромное количество работ по межкультурной коммуникации (или со ссылкой на принадлежность межкультурной коммуникации), качественного преобразования понятийного аппарата не происходит [14]. В своей работе «Теория межкультурной коммуникации в России: состояние и перспективы», О.А. Леонтович справедливо отмечает, что современное состояние межкультурной коммуникации характеризует-

ся эклектичностью и разноголосицей, обращает на себя внимание отсутствие единой методологии исследования, общих концептуальных подходов. По мнению ученого, не существует конкретной теоретической базы, единства терминологии, базовых посылок, позволивших бы представителям различных научных отраслей и направлений достичь продуктивного взаимопонимания. Далее О.А. Леонтович отмечает существование размытости в определении межкультурной коммуникации, что выражается в неоправданном расширении границ данной науки, либо наоборот, сведение ее к сфере только прикладных изысканий. Исследователя беспокоит неучет того, что межкультурная коммуникация является самостоятельной наукой с принадлежащим только ей понятийным аппаратом и серьезной историей научных исследований [12].

Проанализировав литературу, посвященную проблеме межкультурной коммуникации, мы обнаружили, что существует ряд традиционных и интерпретативных/критических определений. В разных источниках можно встретить родственные дефиниции самого термина «межкультурная коммуникация» в соответствии с дисциплиной, его рассматривающей, предпочтениями и целями авторов публикаций:

– «кросскультурная коммуникация» (в общей и социальной психологии в области сравнительного (компаративного) изучения определенного феномена культуры на основе интракультурного анализа);

– «межэтническая / межрасовая / кроссрасовая коммуникация» (при рассмотрении отношений различных этнических групп и рас внутри одного государства);

– «интернациональная коммуникация» (в сфере информационных средств, политики и дипломатии, преимущественно в общественных, социологических и коммуникационных науках);

– «транскультурная» и «панкультурная коммуникация» (не как межличностное общение, а как информационно-технический способ коммуникации);

– «интеркультурная коммуникация» (коммуникация той культуры, которая возникает при пересечении двух культур и не является их суммой).

Во многих научных источниках интерпретация межкультурной коммуникации осуществляется в свете традиционного подхода, сочетающего две ключевые составляющие - коммуникацию и культуру.

Термин «культура» является центральным в межкультурной коммуникации. Наиболее общеупотребительным его значением считается понимание культуры как созданной людьми на протяжении истории совокупности материальных объектов, предметов, образов, идей. В этой интерпретации культура выступает в качестве суммы всех достижений человечества, «второй природой», созданной самими людьми, отличающей человеческий мир от дикой природы.

Многие ученые понимают культуру как систему ценностей. Например, П.А. Флоренский отмечает аксиологическую составляющую культуры, подчеркивая, что она выполняет ряд важных общественных функций: ценностно-гуманистическую, информативную, нормативную, адаптивную, защитную, педагогическую и др. В свою очередь, Ю.А. Лукин также выделяет ценностно-ориентированную, эмоциональную, зрелищную функции культуры.

Когда участники межкультурного общения не только прибегают к собственным традициям, обычаям, представлениям и способам поведения, но и одновременно знакомятся с правилами и нормами чужой культуры, можно говорить о межкультурном взаимодействии, коммуникации.

Термин «межкультурная коммуникация» ввели в употребление в 1954 году Э.Т. Холл и Г.Л. Трэгер после выхода статьи «Культура и коммуникация». Позднее, публикация широко известной и многократно переизданной книги Э.Т. Холла «Немой язык» [23] дала толчок дальнейшему развитию этого направления. Данное исследование, содержащее обоснования прямой связи между культурой и коммуникацией означало возможности для сравнения культур, исходя из общих для всех культур основ.

Теоретические основы связи межкультурной коммуникации с проблемами ценностных ориентаций разрабатывались американскими культурантропологами Флоренс Клакхон и Фредом Стродбеком [24]. Огромная заслуга в раз-

работке вопросов о соотношении языка и культуры в межкультурной коммуникации принадлежит этнолингвистам Джону Гамперцу и Деллу Хаймсу [22].

Изучив работы выдающихся психологов, отметим то внушительное теоретическое обоснование со стороны кросскультурной психологии, которое получила межкультурная коммуникация, будучи частью теории коммуникации. В работах ученых отмечается, что, строя тактику переговоров с иностранными партнерами, следует учитывать национальные особенности собеседников, их психологию, привычки, обычаи, увлечения, их ценностные доминанты. Одним из определяющих факторов в работе современного менеджера можно считать умение общаться, понимание психологии делового партнера, интересов другой организации.

Добавим, что пристального внимания заслуживает теория или гипотеза лингвистической относительности американских лингвистов-антропологов Э. Сепира и Б. Уорфа, появившаяся задолго до того, как межкультурная коммуникация обособилась в отдельное исследовательское направление, и явившаяся мощным стимулом для развития концепций взаимосвязи языка и культуры [11]. Согласно гипотезе Сепира-Уорфа, мышление, мировоззрение и поведение людей лингвистически детерминированы, то есть напрямую зависят от характера и природы того языка, на котором коммуниканты общаются. Особый интерес в данном смысле представляет то, что ученые заострили внимание на специфических особенностях возникновения «языкового восприятия мира», а именно познании мира через совокупность языковых средств. По мнению этих исследователей, такое понимание окружающей действительности должно напрямую влиять и на другие формы познания людей, их деятельность. Кроме того, можно отметить, что большая часть ученых, посвятивших свои работы проблемам межкультурной коммуникации, придерживаются концепции о безусловной продуктивности идей Сепира и Уорфа для разработки ее теории, в особенности касательно тесной взаимосвязи языка, мировоззрения и поведения людей.

Некоторые исследователи рассматривали общую теорию и методологию

межкультурной коммуникации, различные культурные системы и коммуникативные стратегии с точки зрения культурно-антропологического подхода, а также в контексте лингвистической, лингводидактической теорий или теории коммуникации.

Проблема анализа научных подходов в сфере межкультурной коммуникации подробно раскрыта в работах такого исследователя, как Л.В. Куликова, которая, в частности, анализирует первые исследования в сфере межкультурной коммуникации, обращая внимание на то, что они затрагивали культурные особенности только в международном контексте, с позиций общения с иностранцами. В то же время, исследователь отмечает, что на современном этапе разрабатываются теоретические и практические аспекты специфики коммуникации в пределах одной страны, даже внутри различных организаций и структур. Это трактуется культурантропологами в качестве взаимодействия субкультур на фоне одной общей культуры и подразумевает межкультурную коммуникацию в узком смысле.

Изучение теоретических аспектов проблемы обнаружило отсутствие единого подхода к пониманию сущности и особенностей межкультурной коммуникации.

История общественной мысли свидетельствует, что философы и социологи, политологи и культурологи, психологи и педагоги, лингвисты и журналисты всегда, в той или иной мере, обращались к проблемам человеческого общения. Причем каждая из наук изучала и изучает коммуникацию со своих позиций. Эти науки, тем не менее, являясь базовыми и необходимыми для целостного изучения коммуникации, не становятся науками о коммуникации (у каждой есть свой предмет).

Дискуссионным до настоящего времени считается и вопрос об объекте и предмете теории коммуникации. Отметим, тем не менее, что в широком смысле теория коммуникации соединяет все коммуникативное знание, будучи комплексом наук, изучающих коммуникацию одновременно со своим базовым

предметом, тогда как в более конкретном смысле теория коммуникации исследует лишь ключевые механизмы и закономерности обмена информацией.

В связи с этим, важно отметить, что итоговой целью исследования коммуникации является выявление и формулирование ее законов. А это невозможно сделать, не учитывая связь объективного и субъективного. В то время, как законы коммуникации, раскрывающие движение существующих потребностей общения, интересов и действий людей, объективно предопределены, их реализация сопряжена с мышлением и деятельностью людей, что придает законам субъективность.

Не ставя целью детальное изучение и анализ законов и условий теории коммуникации, позволим, тем не менее, привести некоторые из них, представляющие интерес:

- взаимодействие двух и более сторон (источник-приемник, оратор-слушатель, коммуникатор-коммуникант);
- «закон обратной связи» (подразумевается информационное воздействие);
- знаковый характер коммуникации (опредмеченная информация, используемая при общении);
- «закон минимального основания» (наличие хотя бы одного общего для источника и приемника основания в виде системы знаков или правил приема и передачи, кодирования и декодирования информации);
- «закон гетерогенности коммуникативных систем» (полное совпадение информационных потенциалов коммуникантов обесценивает обмен информацией) [20].

Переходя к описанию категориального аппарата теории коммуникации, отметим его достаточную разработанность. Тем не менее, выясним соотношение понятий «коммуникация» и «общение».

Значение термина «коммуникация» в переводе с латыни означает «делать общим, связывать, общаться». Эта дефиниция, введенная в начале XX в. в ши-

рокое научное использование, обрела социальное звучание. Это связано с использованием данного термина в различных областях социально-гуманитарного знания.

Общение – понятие, давно и прочно утвердившееся в научных дисциплинах социально-гуманитарного блока – общей и социальной психологии, философии, педагогике, социологии и др. В связи с этим возникает проблема разницы в диапазоне явлений, обозначенных терминами «коммуникация» и «общение».

Ряд исследователей, в том числе известный отечественный философ М.С. Каган, указывают на необходимость разделения понятий «коммуникация» и «общение», подчеркивая, что коммуникация есть субъект-объектная связь (субъект передает некую информацию, а объект выступает в качестве пассивного получателя), а общение представляет собой субъект-субъектную связь, при которой партнеры равно активны [9].

Отметим точку зрения А.В. Соколова, который считает коммуникацию понятием более широким, чем общение, выделяя три варианта отношений участников коммуникации:

- субъект-субъектное (диалог равноправных партнеров)
- субъект-объектное (коммуникатор воздействует на реципиента)
- объект-субъектное (реципиент выбирает коммуникатора в качестве образца для подражания) [19].

Рассматривая как коммуникацию два последних варианта, исследователь полагает, что общение в чистом виде возможно только в форме диалога равноправных партнеров.

Мы придерживаемся точки зрения Л.С. Выготского, В.Н. Курбатова, А.А. Леонтьева, Т. Парсонса, К. Черри и др., которые отождествляют эти два понятия, мотивируя тем, что коммуникация – «это, в сущности, социальное явление», «социальное общение» с использованием многочисленных систем связи, выработанных людьми, среди которых главными, «несомненно, являются человеческая речь и язык» [20].

К числу базовых категорий теории коммуникации относятся категории коммуникативного пространства и коммуникативного времени.

Говоря о коммуникативном пространстве, понимают систему многочисленных коммуникативных связей, появляющихся между разными агентами общения. Важным при определении сущности коммуникативного пространства является его плотность (интенсивность и количество взаимодействий) и коммуникативная дистанция (непосредственный контакт, либо массовая коммуникация).

Характеризуя такую категорию, как коммуникативное время, отметим, что здесь идет речь о длительности и последовательности самих коммуникативных актов, что всегда являлось актуальной проблемой. Несмотря на современное решение данной задачи при помощи технических средств, возникают новые проблемы, связанные с определением границ человеческих возможностей получения, восприятия и понимания сообщений в условиях все более сокращающегося коммуникативного времени и все более увеличивающегося объема передаваемой информации [15, 17].

Теория коммуникации имеет следующие функции:

– познавательная функция (накопление полученного исследовательского материала, его систематизация, разработка основных концептуальных парадигм, объясняющих механизмы коммуникации, информационного обмена, взаимодействия);

– методологическая функция (разработка эффективного способа научного познания коммуникативной реальности, опора на общепризнанные философские методы, принципы, законы и категории, применяемые во всех областях научного знания, а также на общенаучные и частнонаучные приемы и процедуры, разработанные в ходе теоретического и эмпирического анализа коммуникативных явлений в природе и обществе, выработка исходных принципов познания для всего комплекса коммуникативных исследований в рамках наук коммуникативного цикла). Особо отметим важность того, что теория коммуникации выступает теоретико-методологической основой для более частных коммуникативных дисциплин;

– прогностическая функция (определение ближайших и отдаленных пер-

спектив развития коммуникации, заблаговременное проведение научных экспертиз разрабатываемых и вводимых технических систем коммуникации с точки зрения ожидаемого от них эффекта, моделирование коммуникативных процессов в обществе с целью определения их вероятных последствий и результатов);

– практическая (инструментальная) функция (оптимизация процесса коммуникации, выработка рекомендаций для достижения стратегии эффективной коммуникации, учет объективных и субъективных факторов коммуникационного процесса, организация и регуляция социальных процессов посредством коммуникации).

Сравнивая функции теории коммуникации, педагогики и психологии, мы пришли к следующим выводам. Познавательная функция теории коммуникации, связанная с первоначальным накоплением материала, перекликается с диагностической функцией психологии (анализ социально-психологических проблем клиентов, выявление психологических особенностей, установление диагноза), а также с описательным и диагностическим уровнями теоретической функции педагогики (изучение передового опыта, выявление состояния педагогических явлений).

Говоря о методологической функции теории коммуникации, сравним ее с проективным уровнем технологической функции педагогики (разработка методических материалов, определяющих педагогическую деятельность).

Как в теории коммуникации, так и в психологии, и в педагогике есть прогностическая функция. Различие состоит лишь в том, что в психологии она выражается в установлении прогноза поведения личности, ее изменений и изменений социальной среды на основе выявленных закономерностей и особенностей их взаимодействия. В педагогике - это уровень теоретической функции, состоящий в проведении экспериментальных исследований, моделировании педагогических процессов с целью определения их вероятных последствий и результатов. Рассматривая данную функцию теории коммуникации, подчеркнем, что при ее реализации осуществляется моделирование именно коммуникативных процессов.

И, наконец, практическая функция теории коммуникации имеет сходство с преобразовательным (внедрение достижений науки в педагогическую практику) и рефлексивным (анализ результатов научной деятельности) уровнями технологической функции педагогики [3], а также социализаторской (разрешение установленных социально-психологических проблем на основе использования психолого-терапевтических методов и процедур) функцией психологии.

Хотелось бы отметить тот факт, что при изучении коммуникации исследуются важные проблемы гуманитарных и общественных наук, как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Исследователи, интересующиеся гуманитарной стороной коммуникации, изучают следующие общественно значимые вопросы: как действие, процесс убеждения создает фундаментальное предположение и основные ценности, которыми участники коммуникации пользуются, выбирая стратегию и разрабатывая план действий, как общественные ценности формируются и выражаются с помощью символов в речах, других формах общения, с помощью которых пытаются повлиять на аудиторию и произвести на нее впечатление [25].

В своей работе «Обучение ценностям через содержание предмета «Коммуникативные исследования», С.А. Биби совершенно справедливо замечает, что «...обучая искусству ведения беседы, мы учим не только укреплять взаимоотношения и взаимопонимание между людьми, а также передаем те заповеди и ценности, которые формируют общественный строй. <...> И хотя наибольший акцент делается на теорию и практические навыки, здесь также формируются и укрепляются общечеловеческие ценности. В процессе обучения коммуникативным навыкам преподаватели пытаются добиться не только познавательных и поведенческих изменений, но также и изменений во взаимоотношениях. Развивая коммуникативные навыки, мы также учим контактировать с окружающими и оценивать их. Важный, но часто упускаемый аспект коммуникативного образования – неотъемлемость процесса обучения общечеловеческим ценностям, таким, как значимость других людей, честность, свобода выбора и альтруизм» [2].

Американский исследователь Джон Кондон выделяет такие ценности, как честность, искренность, общественная гармония, поддержание доверия, как ценности, которые необходимо затронуть при обучении межличностному общению [21].

В работах других американских коммуникативистов, посвященных формированию ценностей посредством обучения грамотному общению, отмечается значимость ценности альтруизма, акцента на мыслях и чувствах, рождающих равенство.

Сформулированное выше позволяет утверждать, что межкультурная коммуникация как наука находится в стадии формирования и носит интегративный характер. Она тесно связана с такими науками, как философия, социология, психология, педагогика, лингвострановедение, менеджмент, культурология и др. В рамках науки о межкультурных коммуникациях разрабатываются вопросы, связанные с речевым общением, взаимоотношениями сознания и коммуникации, языка и поведения человека, национально-специфическими особенностями языковой картины мира и др. [13].

Кроме того, подчеркнем, что согласно многочисленным психологическим и статистическим исследованиям, коммуникативные способности руководителя относятся к числу его важнейших профессиональных качеств, поскольку обмен информацией и перцепция встроены во все виды управленческой деятельности. Именно коммуникативные способности играют большую роль в профессиональном росте руководителя и налаживании эффективного общения. Снизить частоту неэффективных коммуникаций, исключив ситуации непонимания и добившись положительных итогов, можно, понимая суть коммуникационного процесса и зная особенности ценностных ориентаций партнера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Батурина О.А. Влияние аспектов речи на культуру общения будущего агрария // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам.

Сборник научных статей по итогам VII Международной научно-практической конференции. – Брянск, 2019. – С. 160-163.

2. Биби С.А. Обучение ценностям через содержание предмета «Коммуникативные исследования» // Сибирь. Философия. Образование: Научно-публицистический альманах. 2000 (Вып.4). – Новокузнецк: Институт повышения квалификации, 2001. – С. 77-94.

3. Голуб Л.Н. Коммуникативный подход в обучении // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. – 2017. – № 4 (62). – С. 64– 67.

4. Гребенюк О.С. О развивающих возможностях учебно-воспитательного процесса. – Волгоград, 1976. – С. 90-97.

5. Гришина Н.В. Я и другие: Общение в трудовом коллективе. – Л.: Лениздат, 1990. – 174 с.

6. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.

7. Гусева Н.В. Коммуникативные способности в профессиональной деятельности руководителя образовательного учреждения // Молодой ученый. – 2011. – № 10. – Т. 2. – С. 118-131.

8. Драчева Е.Л., Юликов Л.И. Менеджмент / 2-е изд., стер. – М., 2002. – 288 с.

9. Каган М.С. Мир общения. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.

10. Катрич С.В., Катрич Ю.С. Правовые основы менеджмента в России. Технология использования законодательства в деловом администрировании. – М.: ДЕЛО, 2004. – 784 с.

11. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме // Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Монография. – Красноярск, 2006. – 392 с.

12. Леонтович О.А. Теория межкультурной коммуникации в России: состояние и перспективы. Теория коммуникации и прикладная коммуникация // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – 2002. – Вып. 1. – С. 63-67. // http://www.russcomm.ru/rca_biblio (Дата обращения: 10.05.2020).

13. Медведева С.А. Формирование ценностных доминант межкультурного общения при подготовке бакалавров менеджмента: дис. канд.педагогических наук: 13.00.08. – Москва, 2014. – 224 с.

14. Мишланова С.Л., Пермьякова Т.М. Стереотипность и творчество в тексте // Межвуз. сб. науч. тр., Пермь, 2005. – С. 340-350.

15. Овчинникова О.А., Давыдкина М.А. Цифровизация межкультурной коммуникации: формирование лингво-информационной культуры в высшей школе // Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации: сборник научных статей по материалам межвузовского научно-практического круглого стола/ под общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2020. – С. 38-45.

16. Резунова М.В., Белозор А.Ф., Овчинникова О.А. Межкультурная коммуникация как неотъемлемая составляющая профессиональной подготовки будущего специалиста народного хозяйства региона // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 5 (69). С. 66-71.

17. Семышев М.В., Семышева В.М., Резунова М.В., Овчинникова О.А. Формирование цифровой культуры студентов средствами гуманитарных дисциплин // Международный научный журнал. 2020. № 1. С. 134-143.

18. Снетков В.М. Психология коммуникации в организациях. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. – 192 с.
19. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. – СПб.: СПбГУП, 1996. – 320 с.
20. Черри К. Человек и информация. – М.: Связь, 1972. – 368 с.
21. Condon J.C. Communicating interpersonally. 2nd edition. – Reading. – MA: Addison-Wesley, 1980.
22. Gumperz J., Hymes D. (Hrsg.) Directions in Sociolinguistics. – New York, 1972. – P. 35–71.
23. Hall E.T. Silent Language. – New York: Doubleday & Company, Inc, Garden City, 1959. – 217 p.
24. Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L. Variations in Value Orientations. – Evanston, IL: Row Peterson, 1961.
25. Osborn M. The study of communication flourishes in a democratic environment // The Chronicle of Higher Education. – 1990. – January 17. – P. B2.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО ТУРИЗМА

Белозор Алина Федоровна

канд. культурологии, доцент

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»
Брянский филиал

Belozor A.F.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Bryansk branch

Овчинникова Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»
Брянский филиал

Ovchinnikova O.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Bryansk branch

Тема государственной политики в сфере культуры и туризма достаточно широко освещена в научной литературе. Однако, как признает Эдвард Холл,

политический характер этой огромной мировой индустрии как на макро-, так и на микрополитическом уровнях не признается [30, р. 58]. В частности, существуют важные политические вопросы, связанные с культурным туризмом. Например, в отличие от массового туризма роль деятельности музеев и коммерциализация наследия часто являются частью дебатов о культурной идентичности и национальной самобытности [2]. Кроме того, музеи, галереи и объекты культурного наследия, наряду с другими объектами, привлекающими культурного туриста, находятся в области влияния государственной культурной политики и в значительной степени являются ее продуктами.

В основу данной статьи положена концепция, что культурная стратегия является медиатором между государственной культурной политикой и культурными продуктами в широком смысле и туризмом в частности. Для раскрытия этого утверждения необходимо ответить на следующий вопрос: «Что определяет траекторию формирования культурной политики, конкретно связанной с культурным и языковым туризмом?»

Любые попытки ответить на такой глобальный вопрос окажутся обобщенными и условными, но от этого они не станут менее важными. Можно с уверенностью утверждать, что понятие уникальной культуры, часто связанной с определенной нацией и позиционируемой в либеральной гуманистической традиции, в последние десятилетия подвергалось сомнению со стороны позиций мультикультурализма, связанного с множественными культурными идентичностями, часто противопоставляемого культурному элитизму. Это широкая тенденция, которая повлияла на общественно-политическую мысль и вызвала дискуссии о культуре и культурной политике. Данное положение нашло отражение в политике в сфере туризма с позиций важности культурного разнообразия в развитии и маркетинге культурных кластеров [14], основания и развития музеев в целях аккумуляции и трансляции огромного исторического опыта. В данном направлении необходимо также отметить тенденцию ЮНЕСКО в содействии диверсификации от экономически развитых стран к традиционным культурам при выборе объектов всемирного наследия [7].

Прежде всего необходимо рассмотреть, что такое культурная политика, и каково ее значение для развития культурного туризма.

Культурная политика выступает как многоуровневая система взаимосвязанных концептуализаций, базирующихся на определенных ценностно-смысловых концептах, идеях, циркулирующих в конкретном обществе и отвечающих приоритетам внутренней и внешней политики страны.

В этой связи, современный культурный потенциал является универсальной основой для настоящего и будущего всеобщего развития и обновления. Культура определяет содержание перспектив модернизации политики, социальной сферы и экономики на основе новых подходов к развитию общественных отношений, основывающихся на социокультурных ценностях и достижениях [28].

Существенная роль вовлечения культуры в процесс общественного развития отведена культурной политике. *Государственная культурная политика – совокупность целей, принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению и развитию культуры, а также правовых, организационных, экономических и иных средств для достижения указанных целей [9].*

Согласно представленным в научной литературе трактовкам, культурная политика рассматривается в совокупности научно обоснованных взглядов и мероприятий, направленных на модернизацию общества и структурные реформы по всей системе культуропроизводящих институтов с опорой на традиционные социокультурные ценности. Наряду с этим, это система современных принципов, аккумулирующих в своем содержании государственные и общественные функции, система мер по опережающему научному, образовательному и информационному обеспечению этих принципов, опережающей подготовке кадров для профессионального регулирования социокультурных процессов в будущем в целях общественного согласия [25, 27].

Известный российский культуролог О.Н. Астафьева в своих трудах расширяет понятие «культурная политика», осознанно вводя в научный оборот по-

нятие «социокультурная», и при этом доказывая, что категория «социокультурная политика» отражает современное широкое содержание роли культуры, соединяет в единое целое культуру и общество, отображая их неразделимое единство [22, с. 10].

Это отражено и в указе Президента России «Об основах государственной культурной политики». Здесь, культурная политика – это «действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей» [24].

Таким образом в современной научной среде и реальной практике категории «общество» и «культура» интегрированы между собой и в контексте культурной политики часто составляют единое целое. Регулирование текущих процессов социокультурного развития осуществляется посредством культурной политики и представляет собой определенную систему деятельности институтов государственного управления в содружестве с гражданским обществом с использованием имеющихся ресурсов [12].

Эту институциональную поддержку можно рассматривать как способы, которыми правительство поддерживает любую творческую деятельность, где особо можно выделить деятельность по созданию культурных продуктов, а также по сохранению культурного наследия. Все перечисленное может считаться частью культурного капитала, который при придании позитивной культурной значимости становится привлекательным для потенциальных культурных туристов [23, с. 84]. Исторические здания, культурные мероприятия, галереи, музеи, а также городское планирование и дизайн общественных пространств вносят вклад в культурный капитал и являются частью сферы деятельности государственного сектора.

Культурный капитал также включает в себя создание и маркетинг неося-

заемого чувства места в культурном городе. Это могут быть уникальные мероприятия, знаковые объекты, интересные условия и события, которые привлекут культурных туристов. Следовательно, маркетинг территорий также приобретает все большее значение в культурной политике.

В связи с тем, что культурный туризм выделился в один из аспектов государственной и региональной культурной политики, стало важным, особенно с ростом числа туристов, превращение объектов культурной политики, а именно музеев, галерей, фестивалей, в туристические достопримечательности и, следовательно, в средство экономического развития и возрождения. Роль культурного туризма в национальной самобытности кратко обсуждается Р.Ф. Идрисовым и Г.И. Пещеровым. Согласно их концепции, развитие туристических кластеров, формирование новых центров культурного обогащения населения возможно только совместными усилиями федеральных, региональных и местных властей, общественных организаций и населения на основе планомерного исследования истории региона, древних легенд, притчей и других природных ресурсов каждой конкретной территории [8].

В современной науке общепризнанным является положение, что идеология, лежащая в основе культурной политики современной эпохи, – это либеральный гуманизм. Либеральная философия характеризуется акцентом на права человека на максимальную реализацию его потенциала, в то время как гуманизм считает разум общей движущей силой прогресса всего человечества. Либеральному гуманизму присуща универсальная концепция культуры как сосредоточия лучших и самых прекрасных достижений человечества в области искусства, науки, как всеобщего стандарта, по которому оцениваются все сообщества и к которому могли бы стремиться все люди. Тем не менее, в период после Второй мировой войны данная позиция не раз подвергалась сомнению, что выразилось в многочисленных дискуссиях о современной культурной политике, в том числе о культурном туризме таких видных научных деятелей и направлений, как неомарксизм, Герберт Маркузе, Теодор Адорно, Юрген Хабермас и других.

Можно определить несколько направлений толкования понятия «культура», которые можно использовать, чтобы помочь понять основные различия между либеральными гуманистическими взглядами и плюралистическим подходом в отношении культурной политики [3]. Культура может быть: во-первых, общим процессом интеллектуального, духовного и эстетического развития, что согласовывается с идеями либерального гуманизма; во-вторых, это особый образ жизни отдельного взятого человека, группы людей или исторического периода, что предполагает плюралистический подход; и, в-третьих, результаты интеллектуальной и творческой деятельности людей, а также непосредственно сама эта деятельность.

Это третье определение обычно ассоциируется с культурным туризмом. Тем не менее, хотя традиционно эта художественная и интеллектуальная деятельность, выражающаяся в форме работы в галереях, с экспонатами музеев, великой архитектуры и прочего традиционно была связана с первым определением, как пример общего процесса, сегодня также делается акцент на культурном наполнении как отражении определенного образа жизни, определённых направлений культурой деятельности. Этот последний взгляд соответствует второму определению. Культурная политика и объекты культурного туризма испытывают влияние этой тенденции.

Вопрос о содержании и направлении культурной политики всегда был предметом политических дебатов. В прошлом это имело место в рамках проектов политических правых и левых, национализма и регионализма и различных социальных групп. В основном это были политические (в отличие от культурных) проекты, которые часто разделяли влияние либерального гуманизма под влиянием идей Просвещения. Однако сегодня сама либеральная гуманистическая традиция, которая повлияла как на официальную культурную политику, так и на аргументы тех, кто ее оспаривает, была поставлена под сомнение более плюралистическими представлениями о культуре, которые берут в качестве отправной точки идею существования множественных культуры в противопо-

ставление положению об уникальности культуры. Результатом этого критического анализа стали вызовы общепринятым направлениям и требования установления особого культурного пространства со стороны социальных и этнических групп и лиц, определяющих политику, которые утверждают, что действуют из лучших побуждений. Данные заявления и направления политики были институционализированы благодаря росту количества предметов мультикультурного искусства и появлению стратегий культурного развития в экономически развитых обществах и наднациональных организациях, таких как Европейский союз и Организация Объединенных Наций.

Подоплекой появления данных стратегий является снижение числа крупных политических проектов и идеологий элит и даже их противников, особенно в эпоху, начавшуюся после окончания холодной войны. Универсальные политические течения, такие как социализм или капитализм, не оказывают уже не оказывают такого же влияния на современное сознание. Скорее, идентичность все больше анализируется и понимается как совокупность множественных, изменчивых идентичностей. Поэтому политика стала более подверженным влиянию культурной политики, основанной на оспаривании официально признанной культуры и традиционных представлений о национальной идентичности.

В случае успеха такое широкое признание множественных культур может развить более демократичный, представительный общественный дискурс, который может влиять на политику и культуру в целом. В этом ключе аргументы в пользу отражения большего разнообразия в музеях и культурных достопримечательностях часто вызывают необходимость признать и выразить мнение различных культур. Активисты, группы меньшинств и политики либерального толка добивались именно такого более широкого признания, которое может быть выражено в таких культурных достопримечательностях, как музеи, галереи, объекты культурного наследия, фестивали, карнавалы и другие проявления культурной деятельности людей. Следовательно, можно сказать, что исторические достопримечательности имеют важное значение в формировании национальной культурной идентичности.

В этом отношении наднациональная политика в области культуры может стать важной ареной для стран развивающегося мира. Развивающиеся страны заручились поддержкой ЮНЕСКО для того, чтобы заявить о своих культурах и выдвинуть требования о том, что в период Декады культуры 1988-1997 ЮНЕСКО следует принять многонациональное определение культуры, основанное на культурном разнообразии, а не универсальных ценностях.

Еще один способ анализа перехода от либерального гуманизма к большему культурному разнообразию заключается в рассмотрении влияния постмодернистских условий как на туристические, так и на политические организации. Хотя характеристика современного общества или культуры как постмодернистского является предметом спора среди социологов и других ученых, многие считают, что некоторые аспекты постмодернизма проявляются в культурной политике и в культуре в целом, как например ослабление чувства культурной иерархии, размытие границ между различными культурными типами и возникновение убеждения, что культура – это явление непрерывно меняющееся и относительное. Таким образом, постмодернизм можно рассматривать как противопоставление традиционной иерархии современного общественного порядка и, как следствие, основу для прогрессивного культурного развития.

Таким образом, антиэлитизм, скрытый в постмодернизме, можно рассматривать как демократический, делающий культуру более доступной и разнообразной. Однако его также можно рассматривать как ограничивающий. Подоплека противоречия кроится в том, что восхваление разнообразия в культурной сфере может привести к снижению стандартов. Все культурные формы являются относительными и могут оцениваться только в их собственных, специфичных для культуры терминах. Если отвергать гуманизм и делать выбор в пользу такого релятивизма, то как культура сможет преодолеть различия и отражать универсальные темы? Противоречие между концепцией универсальной человеческой культуры и более релятивистским направлением, которое предпочитают многие ответственные лица, ответственные за культурную политику,

является важной ключевым вопросом в диспутах о направлениях культурной политики.

Сектор культурного туризма сформирован на основе более широких идеологических тенденций, именно они послужили причиной многих дискуссий о включении в туристские достопримечательности объектов культурного наследия, галерей, музеев, то есть, всех тех объектов культуры, что составляют достопримечательности культурного туризма [1]. Культурная политика, разработанная на основе либерального гуманизма, в свое время подвергалась критике за то, что она, будучи по природе своей элитарной, исключала альтернативные культуры и культурные сообщества, пребывавшие в меньшинстве. В ответ на критику возник сектор культурных достопримечательностей, который в большей степени отражающий культурное разнообразие и культурный популизм.

Критика этих тенденций может принять форму консервативного желания сохранить исключительность высокой культуры. Тем не менее, в равной степени они могут представлять гуманистическую идею поддерживать универсальную ценность великого искусства, научного прогресса и понимания истории человечества, независимо от происхождения артефакта или целевой аудитории.

Медиакоммуникационная или информационная революция существенно повлияла на жизнь современного общества: изменения в сфере обработки и передачи информации посредством средств массовых коммуникаций сформировало информационное пространство, которое открыло новые возможности и для развития туризма. Конкуренция между отдельными дестинациями и турпродуктами существенно обострилась, ведь информационные технологии существенно расширили аудиторию потребителей. В современном мире выросли и запросы к турпродукту: сегодня турист заинтересован не просто интересном, но и комфортном, безопасном, соответствующем его духовным потребностям и личным целям продукте. Именно удовлетворенность туриста становится ключевым конкурентным преимуществом и основным фактором успеха развития туристской отрасли.

Существенным аспектом повышения востребованности отдельных дестинаций и турпродуктов является трансформации сервиса под потребности туриста. Например, увеличение числа еженедельных прямых рейсов между Китаем и Новой Зеландией в 2,5 раза и модернизация гостиничного сервиса под потребности китайских путешественников позволила увеличить турпоток из Китая до второго по величине въездного рынка Новой Зеландии [6].

Другим направлением привлечения внимания к турпродукту и повышения конкурентоспособности является выход в виртуальное пространство [5, 27]. Так, А. Лавров, эксперт в виртуальной, дополненной и смешанной реальности (VR/AR), президент VRARA Moscow Chapter, отмечает: «Современная аудитория, особенно молодежь, ориентирована на интерактивный и более персонализированный контент, и это меняет подходы к восприятию произведений искусства и способы их представления. Музеи учатся взаимодействовать с посетителями по-другому в онлайн- и офлайн-пространстве, используя технологии и высококвалифицированные кадры в области ИТ» [26]. Онлайн-путешествия сегодня довольно востребованы, ведь есть люди, которые не могут себе позволить свободный туризм не из-за финансовых затруднений, а в силу физических или временных ограничений [15]. Цифровые технологии открыли новую веху в истории туристической индустрии, позволив путешествовать, не выходя из дома, и самостоятельно менять конфигурацию конечного турпродукта.

Всеобъемлющая информатизация и глобализация способствует увеличению объемов межкультурного взаимодействия, которое требует от современного человека определенной подготовки [21]. Речь идет о формировании поликультурной личности, которая способна вести эффективный диалог с представителями других культур [17, 18, 19]. Указанные процессы способствуют сближению и интеграции различных социальных и этнических общностей, усиливают потребность в определении своей национальной идентичности и в сохранении национального культурного достояния [13].

Формирование поликультурной личности стало одним из важнейших ас-

пектов подготовки современных кадров, оно требует комплексного изучения лингвокультурологических особенностей другой нации [4, 10, 11]. Эту задачу помогают решать программы языкового туризма, которые позволяют погрузиться в иноязычную среду, и освоить модели и правила межличностного взаимодействия, принятых в других странах. Языковой туризм может стать хорошей базой для повышения мотивации к самостоятельному изучению иностранных языков, а также повысить уровень студенческой, научной и профессиональной мобильности [16, 20, 29].

Развитие туристических кластеров, формирование новых культурных центров, привлечение туристов к аутентичным дестинациям и создание востребованных турпродуктов возможно только совместными усилиями федеральных, региональных и местных властей, общественных организаций и населения. Эта работа будет способствовать дальнейшему росту численности туристов, а также обеспечит разработку новых платформ для ответа на вызовы современного цифрового общества. Кроме того, государственное участие крайне важно в вопросе сохранения национальной идентичности и культурного наследия, поскольку современная информатизация способствует стиранию межкультурных границ и существует опасность замены самобытных национальных черт ценностями мировой культуры. При этом современная культурная политика и система подготовки кадров должны способствовать формированию поликультурной личности, для которой характерно толерантное отношение к иным культурам и соблюдение правил мировой культуры, это необходимо для эффективного диалога и продуктивного взаимодействия в различных областях жизни общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова, А. Ю. Туристский вектор в актуализации культурного наследия / А. Ю. Александрова, Е. В. Аигина // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2016. – № 2. – С. 19-28.

2. Белозор, А. Ф. Малый исторический город как объект культурного наследия / А. Ф. Белозор // Обсерватория культуры. – 2018. – Т. 15, № 5. – С. 622-631.
3. Белозор, А. Ф. Научные подходы к пониманию феномена «культура» / А. Ф. Белозор // Регион в условиях перехода к устойчивой модели развития современного российского общества: материалы межрегион. науч.-практ. конф., Брянск, 8-9 апр. 2004 г. / под общ. ред. В. В. Огневой, Т. С. Болховитиной. – Брянск: БФ ОРАГС, 2004. – Ч. 2. – С. 161-166.
4. Белозор, А. Ф. Культурологический и лингвистический компоненты межкультурной коммуникации на французском и английском языках / А. Ф. Белозор, О. А. Овчинникова // Litera. – 2018. – № 2. – С. 153-161.
5. Белозор, А. Ф. Межкультурная коммуникация в современном обществе: управление культурой в условиях цифровизации / А. Ф. Белозор // Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации: сб. науч. ст. по материалам межвузовского науч.-практ. круглого стола / под общ. ред. М. В. Резуновой, О. А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2020. – С. 55-62.
6. Вапнярская, О. И. Развитие межкультурных коммуникаций в туризме / О. И. Вапнярская // Сервис+. – 2017. – № 4. – С. 37-48.
7. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml. Дата обращения 10.05.2020.
8. Идрисов, Р. Ф. Политика России в области культуры или, как организовать культурное обогащение населения в современных условиях / Р. Ф. Идрисов, Г. И. Пещеров // Архонт. – 2019. – № 1 (10). – С. 102-106.
9. О культуре в Российской Федерации: комментарии к проекту ФЗ // https://zakon.ru/blog/2015/8/24/kommentarii_k_proektu_federalnogo_zakona_o_kulture_v_rossijskoj_federacii. Дата обращения 10.05.2020.
10. Овчинникова, О. А., Резунова, М. В. Иноязычная коммуникативная компетенция как основа успешной профессиональной деятельности / О. А. Овчинникова, М. В. Резунова // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: сб. науч. ст. по итогам VII междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. С. Артемовой, Н. А. Сальниковой, Е. А. Цыганковой. – Брянск, 2019. – С. 257-261.
11. Овчинникова, О. А. Аргументация французских мегаполисов конца XX века: пути и способы пополнения лексического репертуара городского жителя / О. А. Овчинникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12 (78). – Ч. 1. – С. 131-134.
12. Огнева, В. В. Государственные национальные проекты: политическое целеполагание и проблемные аспекты эффективности реализации / В. В. Огнева, С. А. Шачнев // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. История и право. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 120-131.
13. Осипова, К. А. Национальная идентичность в условиях цифровизации межкультурной коммуникации / К. А. Осипова // Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации: сб. науч. тр. по материалам межвузов. науч.-практ. круглого стола / под общ. ред. М. В. Резуновой, О. А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2020. – С. 46-54.
14. Паничкина, Е. В. Культурные кластеры в региональном измерении / Е. В. Паничкина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 48. – С. 103-109.

15. Пастухова, А. Э. Цифровые технологии как драйвер развития предприятий индустрии туризма в России (accessible tourism) // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2019. – № 2. – С. 150-166.
16. Резунова, М. В. Самостоятельная работа студента при изучении иностранных языков как эффективное средство развития личности будущего специалиста / М. В. Резунова, О. А. Овчинникова // Вестник Брянской ГСХА. – 2017. – № 5 (63). – С. 68-73.
17. Резунова, М. В. Особенности цифровой поликультурной личности в современном обществе / М. В. Резунова // Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации: сб. науч. тр. по материалам межвузов. науч.-практ. круглого стола / под общ. ред. М. В. Резуновой, О. А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2020. – С. 12-18.
18. Резунова, М. В. Межкультурная коммуникация как неотъемлемая составляющая профессиональной подготовки будущего специалиста народного хозяйства региона / М. В. Резунова, А. Ф. Белозор, О. А. Овчинникова // Вестник Брянской ГСХА. – 2018. – № 5 (69). – С. 66-71.
19. Репина, Е. Д. Поликультурное образование в условиях цифровизации и медиатизации / Е. Д. Репина // Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации: сб. науч. тр. по материалам межвуз. науч.-практ. круглого стола / под общ. ред. М. В. Резуновой, О. А. Овчинниковой. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2020. – С. 19-26.
20. Формирование цифровой культуры студентов средствами гуманитарных дисциплин / М. В. Семьшев, В. М. Семьева, М. В. Резунова, О. А. Овчинникова // Международный научный журнал. – 2020. – № 1. – С. 134-143.
21. Семьшев, М. В. Организация самостоятельной работы студентов заочной формы при изучении иностранных языков / М. В. Семьшев, М. В. Резунова // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: сб. науч. тр. по итогам V междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. С. Артемовой, Н. А. Сальниковой, Е. А. Цыганковой. – Брянск, 2017. – С. 215-219.
22. Социокультурная политика в Российской Федерации: стратегии, уровни, инновации: монография / О. Н. Астафьева, В. А. Горенкин, А. В. Швецова и др. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 154 с.
23. Тросби, Д. Экономика и культура / Д. Тросби; пер. с англ. И. Кушнаревой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 256 с.
24. Об утверждении Основ государственной культурной политики: указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 // Собр. законодательства РФ. - № 52, ч. 1, ст.7753.
25. Флиер, А. Я. О новой культурной политике России / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 14-25.
26. Цифровизация в сфере культуры и искусства // <https://clck.ru/NX4PB>. Дата обращения 10.05.2020.
27. Черевичко, Т. В. Цифровизация туризма: формы проявления / Т. В. Черевичко, Т. В. Темякова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2019. – № 1. – С. 59-64.
28. Шачнев, С. А. Профессиональная культура государственного служащего: методологические и практические аспекты совершенствования / С. А. Шачнев // Из-

вестия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 4. – С. 21-28.

29. Batarchuk, D. S. Students' willingness for cross-cultural dialogue as a basis for constructive interaction / D. S. Batarchuk, M. V. Rezunova // icCSBs 2019 - The Annual International Conference on Cognitive - Social, and Behavioural Sciences Conference processing. Edited by S.V. Ivanova, I.M. Elkina. – 2019. – С. 71-83.

30. Hall, E. T. Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. Intercultural Press INC, A Nicholas Brealy Publishing Company, London, UK, 1990. – 198 p.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном глобализирующемся мире благодаря всеобщей информатизации и цифровизации межличностная коммуникация уже давно вышла за пределы одного государства. Сегодня происходит многоаспектное сближение стран и народов, формирование единого поликультурного мира, в котором особую актуальность приобретают диалог культур, эффективная межкультурная коммуникация и, в то же время, сохранение национальной идентичности.

Для успешного взаимодействия в поликультурном обществе необходимо соблюдать принципы международного культурного сотрудничества, т.е. быть готовым и способным жить и активно взаимодействовать с представителями различных этносов и конфессий, но при этом сохранять свою культурную идентичность. Именно умение корректно донести до собеседника свои мысли, понять и воспринять его точку зрения, одинаково эффективно общаться с представителями различных культур необходимо для успешной коммуникации как в реальной, так и виртуальной среде.

Формирование готовности к межкультурной коммуникации происходит в процессе социализации на протяжении всей жизни человека. Оно начинается еще в семье, затем продолжается в системе образования, которая успешно отвечает на вызовы поликультурного цифрового общества. Подготовка к кросс-культурному диалогу в процессе образовательной деятельности эффективна тогда, когда личностные установки на конструктивное взаимодействие формируются в результате совместной деятельности и межнационального общения. Это позволяет сформировать поликультурную личность, которая обладает целым рядом взаимосвязанных компетенций, позволяющих осуществлять продуктивный диалог в любой сфере человеческой жизни. Важно не просто уметь общаться с представителями других государств, но вести диалог с учетом особенностей национального менталитета и толерантно относиться к этнокультурным различиям.

В силу того, что языковая деятельность является отображением языковой

и культурной идентичности, важным направлением подготовки к кросс-культурному диалогу является овладение межкультурной иноязычной компетенции. Язык необходим для формирования коллективной идентичности, так как он обеспечивает социальную сплоченность сообщества и является хранилищем национальной культуры и отображением национальной картины мира. Правильные речевые и эмоциональные реакции, знание дискурсивных особенностей и поведенческих норм становятся залогом свободы личности в иной национальной общности и позволяют осуществлять эффективную коммуникацию в любом социуме. Между тем важным является не только освоение устных и письменных особенностей языка собеседника, но и восприятие и уважение ценностей представителей иных культур.

Особенностью современного общества является всеобъемлющая информатизация и цифровизация, поэтому важно уметь грамотно обращаться с различного рода информацией, уметь искать, верифицировать и обрабатывать данные, т.е. обладать цифровой культурой. Именно поэтому задачей современной высшей школы является создание условий и применение средств и технологий обучения, способствующих развитию и формированию необходимых компетенций.

Цифровизация оказала большое влияние на сферу культурного и языкового туризма. Современные технологии расширили потребительский рынок, привлекли туристов к аутентичным дестинациям и стали основой для создания новых востребованных турпродуктов. Все это способствует развитию туристических кластеров и формированию новых культурных центров. Однако эта деятельность должна реализовываться совместными усилиями федеральных, региональных и местных властей, общественных организаций и населения. Государственное участие в вопросе сохранения национальной идентичности и культурного наследия приобретает особую актуальность, поскольку современные глобализационные процессы способствуют размыванию межкультурных границ.

Современная культурная политика должна быть ориентирована на фор-

мирование поликультурной личности, которая толерантно относится к иным культурам, умеет выстраивать эффективную межкультурную коммуникацию с представителями других этносов и конфессий, продуктивно взаимодействует в различных областях жизни общества с соблюдением правил мировой культуры и с учетом социокультурных особенностей иных национальных общностей, но при этом осознает свою культурную идентичность и способствует сохранению культурного наследия своей нации.

Верхутина Марина Вячеславовна
кандидат политических наук,
Брянский филиал РАНХиГС

Научное издание

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ISBN 978-5-88517-344-5

Редактор Осипова Е.Н.

Подписано к печати 15.09.2020 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 7,20. Тираж 500 экз. Изд. № 6696.

Издательство Брянского государственного аграрного университета
243365 Брянская обл., Выгоничский район, с. Кокино, Брянский ГАУ